

НА ФОНТАНКЕ ОЖИДАЕТСЯ СОЛНЕЧНЫЙ ВЕТЕР

ЭЛЕКТРОННАЯ
БУКВА 2023

ЛОНГ-ЛИСТ

Литрес

АЛИСА ЛУНИНА

Петербургский роман

Алиса Лунина

**На Фонтанке ожидается
солнечный ветер**

«Алиса Лунина»

2022

Лунина А.

На Фонтанке ожидается солнечный ветер / А. Лунина — «Алиса Лунина», 2022 — (Петербургский роман)

Все пути ведут в... Петербург. Именно здесь, в городе белых ночей и вечных дождей, в модной кофейне «Экипаж» на Фонтанке однажды собирается случайная, на первый взгляд, компания: чудаковатый бариста Леша, грузинская девушка Теона, экскурсовод Мария, известный фотограф Данила и загадочная незнакомка, которая прячет в своей сумке пистолет. Вскоре окажется, что этих разных людей объединяет не только любовь к хорошему кофе, но и долгая, запутанная во времени история: в старинной петербургской квартире, полной странных шорохов и мистических снов, Теона и Леша находят тайник – тени прошлого зачем-то спешат рассказать им о том, что случилось здесь сто с лишним лет назад. «На Фонтанке ожидается солнечный ветер» – первая книга дилогии в авторской серии «Петербургский роман» – галерея историй, развернутая во времени. Дореволюционный Петербург, красный Петроград, блокадный Ленинград, наши дни. Странный круг судьбы, связавший современников и потомков, сплетение реальности и мистики, лирического и трагического. Путь от первой романтической любви до последней – вечной. Роман взросления и поиска истины, где центральным персонажем становится Время – ветер перемен, что несет не только горькие расставания, но и встречи, которые даже спустя долгие годы и многие километры дорог непременно случаются у тех, кто умеет ждать. Читайте продолжение – вторую книгу дилогии «Серебряные письма».

© Лунина А., 2022
© Алиса Лунина, 2022

Содержание

Часть 1	6
Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	33
Глава 5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Алиса Лунина
На фонтанке ожидается солнечный ветер
Роман

Часть 1
Еще одна чашка кофе

Пролог

Петроград

Сто с лишним лет назад от наших дней

Она не знала, сможет ли сюда когда-нибудь вернуться. Она вообще не была уверена, что уцелеет, выживет в предстоящих ей испытаниях, и надежды на то, что кто-то однажды найдет ее тайное послание, у нее тоже не было. И все-таки она спрятала эти безмерно дорогие ее сердцу сокровища в старый тайник, словно отправляя таким образом некое письмо в будущее. Ведь если для нее будущего нет, для кого-то оно наступит. А может статься, еще не все потеряно и однажды она сможет вернуться и передать эти вещи их хозяину?

Что ж – время покажет.

Глава 1

День начинается

Санкт-Петербург

Наши дни

В это раннее мартовское утро Леша Белкин шел на работу в любимую кофейню «Экипаж», по своему привычному маршруту вдоль набережной реки Фонтанки.

Утро было серенькое, этакое классическое петербургское утро той безрадостной поры, когда зима уже сломалась, но весна никак не наступит. В такое унылое межсезонье, столь хорошо знакомое любому петербуржцу, трудно заставить себя выйти из дома в холод и ветер; вот и Леша сегодня выполз из квартиры, можно сказать, не приходя в сознание, и брел вдоль реки, едва не засыпая на ходу.

«Ничего, главное, дойти до кофейни, а в «Экипаже» сварю себе «Черного капитана», этот кофе и мертвого вернет к жизни, – повторял Леша, – потом сбалансирую завтрак десертом от Мананы и, глядишь, жизнь наладится!»

Ветер с реки дунул сильнее, и Леша плотнее запахнул куртку. Набережная в этот ранний час была почти безлюдной, город только начинал просыпаться, готовился к новому дню. Вдруг откуда ни возьмись серое небо прорезал солнечный луч, и вскоре неожиданным подарком показалось солнце. И хоть оно выглянуло ненадолго, Леше этого хватило, чтобы прислониться к парапету набережной и, отсалютовав отощавшим за зиму уткам: «Здорово, птицы!», подумать, что день будет хорошим.

* * *

В «Экипаже» Лешу ждет ежеутренний ритуал подготовки кофейни к новому дню. Леша еще раз промывает кофемашину и настраивает ее; о, эта музыка кофемашины, которая звучит как прекрасная кофейная симфония!

Наконец аппарат подготовлен, касса открыта. Бариста Белкин заполняет витрину умопомрачительными десертами Мананы: тортами, пирожными, пирогами, печеньем, булочками, – и вот уже витрина сверкает и выглядит как рай сладкоежек. Из подобных повседневных обязанностей складывается обычное Лешино утро.

Итак, кофейня «Экипаж» плывет сквозь время. С тех пор как душа кофейни – хозяйка «Экипажа» Ника, вместе со своим мужем Иваном, уехала из Петербурга во Францию, прошло полтора года. По просьбе Ники Леша остался в кофейне за главного, и хоть он и не чувствует себя здесь капитаном (эта роль навсегда принадлежит придумавшей, создавшей «Экипаж» Нике), он изо всех сил старается быть хорошим рулевым и не сбивается с курса.

Первая чашка кофе в кофейне заслуженно принадлежит бармену; покончив с утренней суетой, бариста Белкин заваривает себе кофе – легендарного «Черного капитана» – и подходит к окну. Увидев в окне дома напротив фотографа Данилу Суворова, год назад поселившегося в квартире своего приятеля Ивана, уехавшего с Никой во Францию, Леша салюует ему чашкой.

Заметив Лешу, Данила приоткрывает окно и машет бармену. Чуть позже Данила – завсегдатай кофейни – по обыкновению придет в «Экипаж» пить кофе, но вот это первое утреннее приветствие на расстоянии, из окон, давно стало у них с Лешей традицией.

Леша садится за свой любимый столик у окна, делает глоток кофе; крепчайший «Черный капитан» бодрит и заряжает энергией нового дня. Теперь Леша чувствует, что оконча-

тельно проснулся и подпевает поющему из динамика Бобу Дилану, чья песня «One More Cup of Coffee» в треках «Экипажа» идет первым номером.

Еще одна чашка кофе на дорогу,

Еще одна чашка кофе, прежде чем я спущусь в долину...

Под кофе и песню Дилана Леша наблюдает, как просыпается город.

В соседнем доме открывается цветочная лавка, и через стеклянные двери видно, как милая девушка-продавщица расставляет в вазы свежие цветы: горделивые розы, влажные хризантемы, хрупкие ирисы, царственные лилии. Наблюдать за цветочницей – одна из любимых утренних привычек бармена Белкина. А вот по соседству с цветочной лавкой заработал фруктовый магазинчик. Он не так хорошо просматривается изнутри, как цветочный, но Леша легко может представить, как в этот миг продавец раскладывает на прилавке чернильные баклажаны, ароматные томаты, наполненные живительным соком гранаты, наливные яблоки, россыпи винограда, и зелень, много зелени, которая пахнет так, что ее можно собирать в букеты и дарить любимой женщине. Цветочный аромат смешивается с запахом фруктов, и кажется, что его волны через улицу проникают даже в кофейню.

Город просыпается... Мимо кофейни проходят жители окрестных домов, многие в это время выводят своих собак на прогулку. Леша знает вот эту забавную собаку породы корги и ее вальяжного хозяина – владельца антикварной лавки на соседней улице (каждое утро этот джентльмен с собакой приходит в «Экипаж» пить кофе); и этого смешного бородатого пса, выгуливающего свою старушку (глядя на эту парочку, кажется, что именно собака выгуливает хозяйку). Этот квартал давно стал для Леша родным, многие из посетителей «Экипажа» приходят сюда постоянно и общаются с барменом, как с добрым знакомым. Хозяин корги бросает взгляд в сторону окна, замечает Лешу и приветствует. Леша кивает в ответ. По улице стайка студентов спешит на занятия в художественное училище, расположенное неподалеку от кофейни. Иные из них, завсегда в «Экипаже», улыбаются Леше, как приятелю. Бариста Белкин доволен – это его город, его работа, его жизнь.

Каждое утро, перед тем как начать рабочий день, Леша чувствует себя отчасти дирижером необычного оркестра, отчасти рулевым корабля.

«Еще одна чашка кофе на дорогу», – повторяет Дилан, и Леша пританцовывает с чашкой в руке. Но вот кофе выпит. Бариста встает за стойку – за штурвал своего корабля. Все, поплыли.

Звякает колокольчик, входит первый посетитель. День начинается.

* * *

Санкт-Петербург, кофейня «Экипаж»

Леша Белкин стоит за стойкой и занимается производством чистой энергии: эспрессо, латте, капучино, макиато, флэт уйат (или «плоский белый», конечно!) – ну а для не любящих кофе нечестивцев он готовит раф с волшебными наполнителями, который пробудит кофейного адепта даже в завязанном чаемане. И текут кофейные реки, переполняются молочные берега! Да что там реки! За свою бытность в «Экипаже» Леша сварил целое море бодрящего, живительного кофе, способного разбудить весь этот сонный город.

Часам к десяти утра в кофейню всплывает коллега Леша – кондитер Манана. Смешливая, обаятельная Манана, темноглазая брюнетка с внушительными формами, с виду напоминает обычную приятную даму «слегка за сорок», а между тем женщина-то она совершенно выдающаяся и заслуживает права быть отмеченной какими-нибудь внешними сказочными регалиями феи – скажем, волшебной палочкой. Дело в том, что Манана, награжденная посетителями «Экипажа» званием «Лучший кондитер земли», – выдающийся кулинар, за чьи десерты можно не только продать бессмертную душу, но и проститься с мечтой о красивой фигуре. Ежедневно на кухне «Экипажа» Манана, как алхимик в тайной лаборатории, извлекает квинтэссенцию

кондитерского золота – счастья сладкоежек. Как демиург Манана создает личную сахарную вселенную – творит мир, полный воздушных и фруктовых пирожных, изящных трюфелей, нежнейшего тирамису с маскарпоне и клубникой, вишневых и маковых штруделей, всевозможного печенья. Кроме кулинарного таланта Манана обладает еще одним, самым важным на свете качеством – даром общения. Благодаря своей доброте и оптимизму она стала душой кофейни. И Леша, и второй бариста «Экипажа» Никита относятся к Манане с неподдельной любовью.

...Надо сказать, что в свои двадцать семь лет Леша Белкин изобрел собственную философскую систему, суть которой сводилась к тому, что в нашей жизни, увы, нет счастья, но – хорошие новости! – в ней есть радость. Собственно, много радостей. И прожить жизнь безрадостно – большой грех. Лешина полноценная радость, как жизненный фон, складывалась из маленьких каждодневных приятностей и любимых вещей; из отличного кофе, прекрасной музыки, книг, фильмов, и – вот это уж всенепременно! – космических десертов Мананы.

Вот и сегодня, стремясь украсить этот серый мартовский денек чем-то приятным, Леша с надеждой заглянул на кухню, в алхимическую лабораторию Мананы.

Подглядывать за Мананой, когда она готовит – одно удовольствие. Манана замешивает тесто, вздыхает, поет, приговаривает – это ритуал, магия, священнодействие, настоящий театр.

Леша долго наблюдал за ней, сглатывая слюну.

– Иди, иди, – усмехнулась Манана, заметив коллегу, – у меня еще ничего не готово. Но после обеда дам тебе попробовать мои новые пирожные.

Леша вздохнул – он не прочь продегустировать их прямо сейчас! – и в который раз за последний месяц напомнил Манане о том, что если бы она испекла для него свой легендарный пирог «Двенадцатой ночи» и добавила в него удвоенную порцию рома «Бакарди», то жизнь стала бы прекрасной и...

– Этот пирог я пеку только на Рождество, в крайнем случае на Новый год, – прервала его неприличные фантазии Манана. – Так что жди следующей зимы!

Леша пробубнил, что тогда он сегодня хотя бы выпьет «Бакарди».

– Еще чего, я тебе выпью! Тоже мне, пират нашелся, любитель рома! – проворчала Манана. – Ох, Лешка, надо бы мне заняться твоим воспитанием!

Леша улыбнулся – он никому не рассказывает, что его воспитанием занимался дед, всю жизнь прослуживший во флоте корабельным коком, и что его мировой дед практиковал весьма своеобразные методы воспитания – мог и оплеуху дать любимому внуку за особо тяжкие провинности. Хотя в целом они с дедом жили душа в душу, и тот, как мог, старался скрашивать внуку его переживания по поводу того, что своего отца Леша не знал и что Лешина мать – актриса, была всецело занята искусством и карьерой. Леша вообще никому никогда не рассказывал о своем непростом детстве, о том, как он переживал, что у всех – матери, а у него – гастрوليрующая актриса, и никому, даже любимой Манане, он не станет рассказывать, как два года выхаживал деда, когда тот тяжело заболел, и каким ударом стала для него смерть любимого человека. Леша не расскажет и о том, что его мать живет в Москве, и общаются они с ней исключительно по телефону несколько раз в год, потому что ей всегда некогда – нет у него дурной привычки «грузить» других людей своими проблемами.

– Лешка, а ты в мать такой красивый, как девчонка? – рассмеялась Манана.

Леша нахмурился – собственная внешность была для него болезненной темой. Еще когда он был мальчишкой, дед, походивший на былинного богатыря (плечи – во! ручки – во! рост под метр девяносто) подтрунивал над внешностью внука, посмеивался над его миниатюрностью, невысоким ростом и девичьими ресницами. И Леша что только не делал, чтобы добавить себе брутальности – таскал огромную дедовскую гирю, отжимался до потери пульса, занимался боксом, но ничего не помогало. Былинным богатырем он так и не стал.

– Ну такая у тебя, Леха, конституция, – разводил руками дед. – Видать, пошел в своего папашу, который, сволочь, вообще не обозначился.

И вот эту самую собственную «конституцию» Леша прямо ненавидел, и на сей почве приобрел много комплексов. Возможно, из-за них у него и завелась привычка пристально следить за своей внешностью и за модой.

Ника с Мананой часто подшучивали над ним, считая его самовлюбленным метросексуалом, не догадываясь о том, что на самом деле его озабоченность своим видом была продиктована лишь неуверенностью в себе.

– Ох, Лешка, я, признаться, уже отчаялась дожидаться, когда ты женишься! – вздохнула Манана. – Вот не пойму: ты такой симпатичный парень, так в чем проблема?

Леша отшутился и поспешил вернуться к себе за стойку.

Готовя посетителю лавандовый раф, Леша размышлял над вопросом Мананы. Так что с ним не так, в чем же проблема? Может в том, что он оказался однолюбом? Но эту Лешину тайну мы раскроем чуть позже.

* * *

Вошедший в кофейню Данила Суворов прервал Лешины ностальгические воспоминания.

– Доброе утро! – пробасил Данила.

Леша обрадовался, увидев приятеля. С тех пор как Данила поселился в доме напротив «Экипажа», в квартире своего давнего друга Ивана, он стал завсегдатаем кофейни. Иногда он заходит к Леше выпить кофе несколько раз на дню. И если в это время в кофейне мало посетителей, Леша непременно усаживается за столик с Данилой, чтобы выпить с ним кофе, поиграть в их любимые «го» или в нарды и послушать рассказы о его путешествиях. Слушать Данилу Леша может бесконечно, хотя немногословного серьезного Суворова обычно сложно разговорить.

Несмотря на абсолютную внешнюю противоположность и разность темпераментов, невысокий, подвижный и шепучный брюнет Леша и высоченный, плечистый, погруженный в себя и такой серьезный, что кажется даже насупленным, голубоглазый шатен с небольшой рыжей бородкой Данила Суворов на удивление легко и быстро сошлись и стали приятелями.

С точки зрения Лешы Белкина, да и с точки зрения многих других людей, Данила – легендарная личность. Дело в том, что имя фотографа Суворова известно во всем мире. Данила – обладатель всевозможных международных премий, его уникальные снимки дикой природы, русской Арктики, Африки публиковали лучшие географические издания мира. Профессионал высочайшего класса, фотограф Суворов, объездил со своей камерой весь свет: он снимал на Крайнем Севере и в пустынях, в национальных заповедниках Австралии и Новой Зеландии, освещал военные действия в горячих точках и природные катастрофы, делал специальные проекты, посвященные социальным проблемам, к примеру, серию фоторабот из жизни русской глубинки.

Сам о себе Данила говорил, что он по природе своей – человек-странник, перекаати-поле: сегодня он на Курилах, завтра в Боливии, послезавтра выслеживает в засаде краснокнижного амурского тигра на Дальнем Востоке, чтобы сделать снимок, который потом разлетится по всему свету. Фотограф Суворов был готов в любую минуту сорваться на поиски новых подвигов, чтобы открывать людям мир во всех его непостижимых, удивительных гранях. Странствуя по миру с камерой, в последние три месяца Данила осел в Петербурге, чтобы сделать уникальный фотопроjekt «Исчезающий Питер» о разрушающихся старых петербургских зданиях и подготовить выставку, посвященную развитию фотографии в России.

При всей своей известности и востребованности Данила совсем не искал славы, а, напротив, тяготился своей популярностью и старался избегать любой публичности, особенно в последнее время. Дело в том, что после того, как Данила получил главную премию в одном из самых популярных международных конкурсов, он, к своему удивлению, в одночасье сделался модным фотографом и объектом вождения гламурных блогерш, желавших, чтобы он их фотографировал. Девушки писали Даниле, обрывали ему телефон, но хуже всего, что его петербургский адрес стал известен в социальных сетях, и поклонницы стали караулить фотографа даже у дома. Данила, в принципе предпочитавший женскому обществу общество ушастого тюленя, атлантического моржа или беломордого дельфина, безмерно страдал от этого нашествия инстадив.

Вот и сейчас, зайдя в кофейню, он первым делом огляделся по сторонам – не выскочит ли из засады какая-нибудь очередная девушка с предложением снять ее «ню»? Но увидев, что подозрительных девиц в кофейне не наблюдается, Данила расслабился и попросил Лешу сварить ему кофе.

Леша удрученно вздохнул. Увы, у брутального, сильного во всех отношениях фотографа Суворова была одна слабость; с точки зрения Лешки – совершенно постыдная. Всем разнообразиям кофе Данила предпочитал нежный девичий капучино.

Вот уже три месяца Данила приходит в «Экипаж» и каждый день заказывает...

– Нет, ну хоть бы раз ты взял «Капитана», – проворчал Леша, – или хотя бы эспрессо, но тебе, конечно же...

– Капучино, пожалуйста, – рассмеялся Данила.

– Слово девушке! – фыркнул Леша. – Может, тебе и сердечко в чашке нарисовать?

Данила невозмутимо кивнул:

– Валяй, Леха.

С огромной чашкой двойного капучино Данила сел за столик у окна. На улице шел снег. Зима вдруг решила напомнить о себе – снег был такой густой, что грозил обернуться скорой метелью.

Леша подсел к Даниле со своей чашкой кофе.

– Так, значит, вот это и есть любимый столик Ники, за которым она сидела, а Иван наблюдал за ней из своего окна? Ну давай, расскажи мне еще раз! – попросил Данила, зная, что Леша обожает вспоминать старые времена «Экипажа».

И Леша в который раз начинает рассказывать ту самую историю. (Подробнее читайте в романе «Девушка из кофейни» – примеч. автора)

Закончив, Леша рассмеялся:

– Романтично, да? А теперь из окон той квартиры на нас смотришь ты!

– Только в отличие от Ивана я вообще неромантичный парень, и со мной такая история приключиться не может! – усмехнулся Данила.

– Надолго ты в Петербурге? – спросил Леша.

Данила пожал плечами:

– Думаю, задержусь до осени. Если только блогерши окончательно не достанут! Представляешь, вчера возвращаюсь домой из Кронштадта со съемок, а у парадной караулит очередная девушка. Главное дело, я им говорю, что специализируюсь на белых медведях и редких выдрах, а не на женщинах, но эти блогерши все равно идут косяками.

– И что, неужели ты никогда не воспользовался своим служебным положением? – хихикнул Леша.

Данила махнул рукой:

– В данный момент меня больше привлекают форты Кронштадта и старые рассыпающиеся усадьбы в области.

Подхватив камеру и пообещав приятелю сегодня еще зайти в «Экипаж», Данила Суворов уехал на съемки.

... Ближе к вечеру, когда за окнами уже стемнело, а метель все-таки обрушилась на город, из кухни выглянула Манана и с необычайно важным видом позвала Лешу.

Леша, надеясь на дегустацию, поскакал на кухню как конь. Он, конечно, рассчитывал найти там много прекрасного, но такое диво дивное и не чаял увидеть! На столе стоял большой, украшенный звездами из глазури рождественский пирог «Двенадцатой ночи».

– Это мне? – не поверил глазам Леша.

– Тебе, – царственно сказала Манана. – Подарок на Восьмое марта. И да – рома я добавила побольше! Кстати, не хочешь ли попробовать мои новинки: пирожное с малиной и сыром, ежевичные профитролы и воздушные ореховые трубочки?!

Леша аж замычал от радости, в его тарелку – не иначе, с неба?! – посыпались глазированные звезды и восхитительный, пахнувший лучшим ромом рождественский пирог.

Манана заботливо подложила Леше добавки и вдруг заметила:

– Какой ты красивый парень, Лешка!

Леша согласно кивнул.

Но когда Манана сказала, что он еще и славный, Леша встревожился. После ее заявления «какой ты умный» он взглянул на Манану с подозрением, пытаясь понять, в чем тут подвох. И вот тогда Манана сообщила, что в выходные она с мужем Вахтангом хотела бы уехать в Москву на свадьбу их друзей.

– Да, конечно, поезжай, я тебя отпускаю, – быстро подтвердил Леша, изрядно расслабленный десертами.

Но это оказалось не все. Манана спросила, чем Леша будет занят в субботу вечером.

– Ничем особенным, – Леша безмятежно пожал плечами.

После этого Манана сказала, что в субботу в Петербург из Тбилиси приезжает ее племянница, хорошая девушка Теона, и вот если Леша встретит Теону и отвезет ее в квартиру, которую Вахтанг с Мананой приготовили для своей девочки, он тоже будет хорошим парнем.

Леша (в сущности, он и есть хороший парень!) легко согласился:

– Ладно, встречу и отвезу.

– Спасибо! – расцвела Манана. – Понимаешь, я про ее приезд узнала только сегодня, а московским друзьям мы уже пообещали приехать... Ой, Лешка, она такая милая девушка и такая красавица! Возьмем ее на первое время к нам на работу?

– А она умеет варить кофе? – насторожился Леша.

– Она же из Грузии, – хмыкнула Манана, – кто в Грузии не умеет варить кофе?

– Ну если она еще и также прекрасно печет, как ты...

– Даже лучше меня! Вот увидишь, какая это девушка! Мечта, персик! Я бы ее за тебя замуж отдала, но ...

– Ну нет, замуж за меня не надо! – испугался Леша и даже перестал жевать.

– Да она сама за тебя не пойдет! – вспыхнула Манана. – Она, знаешь, какая? Первая красавица Тбилиси!

Леша откусил еще кусок пирога – в данный момент несравненный пирог с карибским ромом интересовал его больше, чем все красавицы.

* * *

Снег по-прежнему валил как сумасшедший. Нет, зима и не думала отступать. К вечеру, не без грусти, Леша подумал, что завтра утром ему придется чистить снег перед входом в кофейню.

Звякнул колокольчик, и в кофейню вошел Лешин сменщик, второй бариста «Экипажа», Никита Арсеньев. Двадцатилетний студент университета – будущий математик Никита – появился в «Экипаже» полгода назад. Никита зашел в кофейню узнать, нет ли тут вакансий бармена, да так и остался здесь работать. Спокойный, рассудительный, фанатично влюбленный в кофе Никита, с точки зрения Леша, идеальный бариста. Леша искренне не понимает, зачем Никите в принципе нужна какая-то математика, если можно всю жизнь быть прекрасным барменом.

Пока Никита готовится сменить напарника на боевом посту за стойкой, Леша встречает посетителей, которые заходят в кофейню один за другим. В «Экипаж» входит владелец антикварного магазинчика, расположенного неподалеку. Джентльмен занимает свой излюбленный столик, а его рыжая корги Бобби отряхивается от снега и устраивается под столом. Следом в кофейню забегают еще одна постоянная посетительница и хорошая Лешина знакомая, хрупкая блондинка средних лет, экскурсовод Мария.

– Алексей, сварите мне «Капитана» покрепче! И если можно, быстрее, – просит Мария. – У меня через полчаса вечерняя экскурсия, посвященная Серебряному веку.

Леша недоуменно смотрит в окно на разыгравшуюся метель: какие уж тут экскурсии?!

– Так вроде нелетная погода?

Мария безмятежно смеется:

– Мне не привыкать, тем более, что эти метельные декорации идеально подойдут для рассказов о Серебряном веке – о роковых любовях, страстях к разрывам, трагедиях и тайнах.

Леша спешит выполнить заказ, а в кофейню опять, теперь уже на вторую чашку кофе, заходит фотограф Данила Суворов.

Леша кивает Даниле:

– Скоро освобожусь, и нас ждет сеанс игры в нарды.

– Давай на этот раз в шахматы? – улыбается Данила.

Леша соглашается: шахматы он тоже любит, к тому же он как раз хотел опробовать на практике новую технику эндшпиля. Данила садится за любимый столик Ники, рядом со столом, где расположились джентльмен с Бобби. Мария выпивает своего «Капитана», машет Леше рукой и убегает в снежный вечер.

Кофейня наполняется людьми. Забегают постоянные покупатели – прикупить домой выпечки к чаю – и случайные прохожие, застигнутые снегопадом.

Леша довольно оглядывает зал. На улице бушует непогода, а в «Экипаже» тепло и уютно, пахнет свежесваренным кофе и сдобой. Джентльмен читает, Бобби посапывает во сне, Данила расставляет шахматы на доске, парень за крайним столиком держит за руку свою спутницу – симпатичную рыжую девушку.

А дама за тем столиком работает – набирает текст на своем ноутбуке. Леша уже знает, что эта женщина – астролог. Когда-то увидев ее в «Экипаже» в первый раз, он случайно заметил на экране ее раскрытого ноутбука странные карты и схемы и потом долго гадал, чем же занимается незнакомка. А позже, познакомившись с посетительницей, ставшей в кофейне частой гостьей, он выяснил, что та – астролог. Узнав, что она составляет карты и гороскопы, Леша сначала сильно удивился, а затем рассудил, что это раньше астрологи выглядели экзотически (ему так и представлялся какой-нибудь седобородый старец в плаще, подбитом звездами), а современный астролог вполне может выглядеть, как эта миловидная женщина со стрижкой, в джинсах и с ноутбуком.

Леша приносит астрологу заказанный ею коретто и малиновые трюфели и спрашивает:

– Ну что там звезды?

Дама отвлекается от своих карт и озабоченно сообщает:

– Мы имеем дело с весьма опасным положением планет, молодой человек! Видите ли, на небе выстраивается ось катастроф! Нечто подобное уже происходило сто лет назад и обернулось для всех большими бедами.

– В самом деле?! – вежливо отзывается Леша. – Это и впрямь так серьезно?

Астролог вздыхает:

– Более чем! Вот увидите, в скором времени нас всех ждут большие перемены, а кого-то потрясения и катастрофы!

* * *

Итак, на звездном небе выстраивалась ось катастроф, и скоро все траектории судеб наших героев должны были сойтись в одной точке – в кофейне «Экипаж».

В то время как в «Экипаже» бариста Леша варил «Черного капитана», экскурсовод Мария, как сталкер, вела своих туристов по странным петербургским дворам, кондитер Манана придумывала очередной умопомрачительный десерт, а ее юная племянница Теона прощалась с Тбилиси и собиралась в Петербург, еще одна героиня нашей истории, тоже собиралась в Петербург. В свое последнее путешествие.

Екатеринбург

Лина подошла к окну, взглянула на серый мартовский пейзаж; в городе шел снег с дождем, и казалось, что весна никогда не наступит.

Глядя на серенький двор, в котором прошло ее детство, Лина испытывала грусть. И с этим домом, и с этим двором было так много связано, ведь здесь жили и здесь умерли ее близкие, любимые люди. Она и сама была когда-то здесь счастлива, прежде чем стать непоправимо несчастной. И вот теперь, пережив в этих стенах и счастье, и ту самую страшную трагедию, Лина прощалась с городом детства и с этой квартирой, куда она больше никогда не вернется.

В этот час расставания с родным городом и с прошлым, она чувствовала, как в груди что-то болит, рвется – то последнее, теплое, нежное, что еще удерживало ее в мире живых. А, впрочем, что уж теперь – скоро, после того как она исполнит задуманное, для нее в любом случае все будет кончено.

Она положила в дорожную сумку запасной комплект одежды, несколько дорогих сердцу фотографий своих любимых умерших и, наконец, главное – пистолет.

После чего Лина взяла саквояж, поехала на вокзал и села в поезд до Петербурга.

Глава 2

Опасное положение звезд

Тбилиси

«Какой плохой день! – вздохнула Теона. – А впрочем, в последнее время они у меня все такие!» Теоне вообще кажется, что вся ее жизнь теперь будет состоять только из плохих дней; особенно учитывая ее предстоящий переезд в Петербург.

При мысли о Петербурге Теона совсем сникла: она знала о Петербурге только то, что это город на болотах, с отвратительным климатом, серый, мрачный, так не похожий на ее любимый зеленый и солнечный Тбилиси. И отчего тетя Манана не поселилась в другом месте?!

До отъезда в Петербург оставалось два дня, а Теона не представляла, как она сможет покинуть свой старый двухэтажный дом на горбатой улочке в центре старого города, и оставит эту огромную квартиру ее детства, с высокими потолками, скрипучим паркетом, с развешанными на стенах афишами дедушкиных спектаклей, с камином, с породистым, принадлежащим еще бабушке Нино роялем и с балконом, увитым диким виноградом.

На этом балконе Теона любит пить чай по утрам и наблюдать за тем, как просыпается ее улочка. Улица такая узкая, что Теона может переговариваться со своей подругой Софико, живущей в доме напротив, с семьей Багратиони, живущими в доме справа, и с семейством Канталадзе, живущими слева от семьи Кантария.

Девятнадцатилетняя Теона Кантария любит каждый булыжник на своей улице и знает каждую соседскую собаку, и она бы никогда, – уж вы не сомневайтесь! – отсюда не уехала, если бы обстоятельства или судьба не сложились так, что ей придется уехать, а точнее сказать, сбежать из родного города.

Уложив в чемодан вещи: любимое черное платье, изумрудный шелковый палантин, теплую куртку (да в этом Петербурге всегда собачий холод!), пару кукол, доставшихся ей от бабушки Нино, – Теона бросила взгляд в зеркало на стене и поймала в нем свое отражение. Видок у нее сейчас, конечно, закачаешься! Бледная, под глазами круги от постоянной бессонницы, осунувшаяся (такая худоба при ее маленьком росте выглядит уже критичной), и без того большие темные глаза теперь кажутся огромными, да вдобавок еще и растрепанная! У нее и так-то с детства на голове копна кудряшек, словно бы она сделала какую-то безумную химическую завивку, а потом подмела своей головой вместо метлы весь Тбилиси, а теперь и вовсе ее прическа напоминает нечто невообразимое!

Теона поправила волосы, подкрасила губы красной помадой, надела любимый красный берет и попыталась улыбнуться своему отражению. Но улыбка задрожала, спряталась, угасла где-то внутри Теоны.

Увы, Теона была абсолютно, категорически несчастна; заполнена несчастьем и ощущением своей неприкаянности по самые уши.

Впрочем, так было не всегда.

В сказочно красивом городе, полном невероятных пейзажей, старинных храмов, садов и парков, широких проспектов и узких улочек, жила-была девочка Теона Кантария. Больше всего на свете Теона любила своих бабушку Нино, деда Георгия и тот мир поэзии и сказок, который они создали для своей любимой, единственной внучки. Дело в том, что бабушка и дед Теоны были не вполне обычными людьми; до десяти лет Теона вообще считала, что Нино и Георгий работают волшебниками.

Ее бабушка и дедушка работали в кукольном театре – дед был режиссером, а бабушка артисткой этого же театра. Детство Теоны прошло за кулисами: она присутствовала на репетициях и премьерах, смотрела, как делают кукол и как они – настоящая магия! – затем ожи-

вают; разговаривала с ними, как с добрыми друзьями и придумывала для них истории. Благодаря бабушке с бабушкой, театру и особенной атмосфере отчего дома (дед с бабушкой жили на первом этаже, а родители Теоны здесь же, на втором), ее детство было удивительным и волшебным.

Во дворе дома Кантария всегда стоял огромный накрытый стол, за который мог сесть любой вошедший во двор человек. Нино с Георгием устраивали шумные застолья для всех жителей старого квартала. За их столом обычно собиралось множество людей – пели песни, читали стихи, пили вино. Все праздники в этом старом квартале отмечали сообща и провожали в последний путь тоже так, всем кварталом. Теона помнит, как на похороны ее деда Георгия собрался весь район, как соседи плакали на похоронах и пели на поминальной трапезе. И также много людей провожали ее бабушку Нино, пережившую своего Георгия всего на полгода.

После смерти деда и бабушки Теона, которой тогда было шестнадцать, как-то разом повзрослела – детство закончилось. От Нино с Георгием ей остался бабушкин рояль, две любимых театральных куклы, которых так и звали – Нино и Георгий, целый альбом прекрасных, дорогих сердцу воспоминаний и светлая грусть. В тот печальный год Теона закончила школу, и тогда же в полной мере проявилась ее странность.

На самом деле про эту свою особенность Теона узнала еще в детстве.

.... – Ну что ты плачешь? – опечалилась бабушка Нино, увидев пятилетнюю рыдающую внучку, оплакивавшую детское горе – сорвавшийся с веревочки и улетевший в небо воздушный шарик – со всем размахом трагедии.

– Ничего страшного ведь не случилось, – пожала плечами бабушка Нино.

Теона запрокинула кудрявую голову вверх и, проводив голубой шарик глазами, залилась еще пуще. Как ни крути, улетевший шарик был не пустяком, а серьезной потерей.

– Жизнь долгая, если переживать по любому поводу, никаких слез не хватит! – заметила бабушка.

Теона не унималась и продолжала плакать. Тогда Нино, в тот день красившая забор их дома, сунула Теоне кисточку, чтобы отвлечь внучку.

– На вот, держи, помоги мне!

В итоге девочка с упоением красила забор до самого вечера, это занятие неожиданно увлекло ее и уж точно успокоило.

С тех пор Теона полюбила красить все подряд – любые поверхности, включая фасады домов, стены, пол в доме, ногти на руках и ногах. Ее странным образом успокаивал сам процесс окрашивания и запах краски. Со временем это увлечение стало для нее своеобразной психотерапией, ее личным способом гасить стрессы, позволявшим ей больше никогда не плакать.

Сама Теона считала, что, в сущности, ей повезло – все же у нее не самый плохой метод борьбы с неприятностями. Есть люди, которые заедают свои проблемы, – ее подруга Софико, к примеру, может навернуть на почве переживаний пару здоровенных, размером с пароход, хачапури; дед Георгий частенько боролся со стрессами вином, иной раз перебарщивая с его количеством (что вызывало стресс уже у его жены Нино), а кто-то, например, матушка Теоны, красавица Рита, поднимает себе настроение, покупая бесчисленные платья и туфли. Ну а она сама вот так: берет валик или кисточку в руки и – взмах туда-сюда – преобразует поверхность, делает ее свежей и чистой.

Все безобидно, краска стоит не столь дорого, как платья и туфли, да и вреда от действий Теоны никому нет.

Если в детстве Теона красила что-нибудь только время от времени, то после школы у нее наступил интенсивный «покрасочный» период. Она тогда сильно переживала из-за смерти

любимых Нино и Георгия и к тому же была растеряна из-за необходимости наконец определиться с выбором будущей профессии.

Увы, в свои семнадцать лет Теона еще не была готова к взрослой жизни и не очень понимала, чем же она дальше хочет заниматься. Ей хотелось, подобно бабушке с дедушкой, связать жизнь с искусством и творчеством, но это желание было еще очень смутным, неоформленным, не связанным с чем-то конкретным. Она толком не представляла, какую творческую специальность выбрать: стать ли ей режиссером, как ее дед Георгий, или быть актрисой, как бабушка Нино, а может, мастерить кукол или вообще создать кукольный театр?

– Сама не знаешь, чего хочешь, – нахмурился отец Теоны, когда дочь рассказала ему про свои смутные желания.

Деликатная мама Теоны – красавица Рита (кстати, благодаря ей у Теоны есть русские корни) попыталась смягчить диалог Теоны с отцом и задала наводящий вопрос:

– Доченька, чем конкретно ты хочешь заниматься?

Теона вздохнула и промолчала.

– Ты должна получить хорошее образование, лучше всего – экономическое, – в итоге заключил отец Теоны. – Даю тебе время до конца лета, чтобы подумать!

После этого на Теону и накатил «малярный период». Какой-нибудь умный психотерапевт наверняка установил бы связь между давлением на нее со стороны отца и возникшим на этой почве у девушки психологическим дискомфортом, а также последующей сублимацией, проявляющейся вот в этих ее «сеансах с красками». Но Теона в психотерапевтические дебри не углублялась. Она просто чувствовала, что ей плохо, что любимое занятие отчасти снимает переживания и, прихватив ведро с краской, красила все вокруг.

Покрасив у себя в доме все, что можно, Теона перешла во двор и переключилась на соседские дома. Подруге Софико Теона выкрасила забор нежно-розовой краской, будку своего пса Гриля – голубой, в цвет неба, сарай дяди Михаила – фисташковой.

К исходу лета перекрасив весь квартал, Теона приняла решение и – в конце концов, она всегда была хорошей, послушной дочерью! – отложила на время мечты о кукольном театре, поступив в тот институт, на котором настаивал отец, чтобы в будущем, к радости родителей, стать дипломированным экономистом. Ну а что, экономика – важная вещь, кому-то надо заниматься и этой уважаемой, серьезной специальностью.

В следующие пару лет Теона добросовестно погрузилась в учебу; забытые куклы скучали на ее столике, а ведра с краской и кисточки пылились в чулане. И все шло благополучно, пока прошлым летом не случилось нечто, перевернувшее жизнь Теоны.

В тот летний день она сидела на балконе и переговаривалась с подругой Софико, сидевшей напротив, на балконе своего дома. Жара стояла такая, что и неугомонный пес Теоны, черный кудлатый Гриль, валялся у хозяйки в ногах, не подавая признаков жизни. Барышням было так жарко и лениво, что ни у одной даже мысли не возникало, что можно перейти улицу и пойти к подруге домой.

Попивая чай (Теона с любимым вареньем из хурмы, Софико с обожаемой ачмой), девушки обсуждали... Ну что они могли обсуждать?! Не текущую политическую ситуацию в мире, конечно! Как и положено юным девушкам, они говорили о любви, об отношениях мужчины и женщины.

– Все о любви да о любви! – насмешливо сказал проходящий по улице высокий молодой человек.

Теона с Софико разом замолчали и наградили незнакомца презрительным взглядом, но когда они признали в нем сына их соседей, Михаила Багратиони, обе радостно ему замали. Четыре года назад, закончив школу, Михаил уехал из Тбилиси учиться в другой город. И вот теперь он вернулся домой.

– Эй, красавицы, приглашаю вечером прогуляться по городу, – улыбнулся Михаил.

– А кого из нас ты приглашаешь? – уточнила Софико.

– Обоих! – не растерялся Михаил.

В тот вечер они втроем гуляли по городу, на следующий – втроем пошли в ночной клуб, а через два дня в кино тем же составом.

Сложно сказать, какая из двух подруг влюбилась в Михаила первой – Теона или Софико. Да и так ли это важно? Обе еще не знали серьезного чувства, но обе о нем мечтали, а умный, красивый, обаятельный Михаил как нельзя лучше соответствовал представлениям подруг об идеальном мужчине. В общем, Теона и Софико влюбились в красавчика соседа одновременно. Но первой о своем чувстве более скрытной подруге рассказала Софико.

Услышав признание Софико, с которой Теону связывали не просто дружеские, а можно сказать, нежные сестринские чувства, Теона растерялась и приуныла. Увы, в любви подобная похожесть не сулила ничего хорошего (любовь все-таки не синхронное плавание!). Погрустневшая Теона не сказала Софико о том, что вполне разделяет ее мнение насчет того, что Михаил – средоточие всех мужских достоинств, и умолчала о своей влюбленности в достойнейшего из мужчин.

Между тем прогулки «втроем» как-то быстро прекратились – Михаил с Софико теперь предпочитали встречаться вдвоем. Намечалась традиционная пара и классический сюжет. Теона поняла, что в этом союзе третий лишний – она. При этом Теона не находила ничего удивительного в том, что из них двоих Михаил выбрал высокую статную красавицу Софико, а не ее – метр с кепкой и кудрявая швабра на голове. «Да и можно ли не любить Софико? – вздыхала Теона, глядя на себя в зеркало. – Она такая красивая и обаятельная! А я... Я похожа на какого-то воробья или мышонка! Мелкая, худая – на такую никто никогда не взглянет!»

Теона молчала, замкнувшись в себе, и ждала дальнейшего развития событий. А вскоре Софико ей сообщила, что у них с Михаилом полная гармония и любовь до гроба и что через месяц они поженятся.

Услышав про скорую свадьбу подруги, Теона почувствовала какую-то острую, сродни зубной, душевную боль. Ее воздушный шарик снова улетел. И, как когда-то в детстве, Теона была безутешна. Но видя счастливое лицо любимой подруги, она не считала возможным испортить Софико ни настроение, ни жизнь. Посему Теона жестко скрутила в кулак свои эмоции и ничем не выдала того, что творилось у нее в душе. Просто на следующий день она вышла из дома в пять часов утра с ведром краски и покрасила все гаражи на своей улице, а потом на соседней. Она, можно сказать, взялась за старое.

К личным переживаниям на почве неразделенной любви добавилось разочарование в будущей профессии. Теона поняла, что совершила ошибку, поддавшись на уговоры отца, и что хорошего экономиста из нее никогда не получится, поскольку нельзя состояться в нелюбимом деле.

Через месяц Софико с Михаилом поженились. Накануне их бракосочетания Теона решила заболеть, чтобы иметь благовидный повод не присутствовать на свадьбе и не портить никому праздник своим похоронным видом. С этой целью она заставила себя съесть тонну мороженого. Теона глотала лед кусками, пока не почувствовала, что внутри нее образовался злой ледник и что она почти превратилась в айсберг. С тех пор ей вообще казалось, что ее тогда заморозил какой-то злой волшебник, и вот такой замороженной ей теперь и придется жить.

В день торжества Теона валялась в постели с высоченной температурой, слушала, как в соседнем доме полгорода гуляет на свадьбе Михаила и Софико, и страдала.

Ну а что – личная жизнь не задалась, с профессией тоже не сложилось!

Заледеневшая Теона обхватила пса Гриля руками и уткнулась в его теплую шубу. «Неудачная жизнь!» – взывала Теона, икая от холода, и Гриль поддержал ее солидарным воем.

В тот день девятнадцатилетней Теоне казалось, что жизнь кончена.

Однако наступили другие дни – жизнь продолжалась и чего-то требовала от Теоны. Девушке предстояло принять важное решение. Перед тем как уйти из института, она думала неделю, а потом все-таки забрала свои документы и вечером объявила отцу, что экономистом она не будет.

– А кем ты будешь? Маляром?! – схватился за голову отец и в гневе швырнул ее ведро с краской об стену.

С тех пор отец с ней не разговаривал.

Теона, конечно, переживала их разлад, и ее мама, и сам отец тоже. Но он, хоть и безумно любил дочь, простить ее не мог. Помимо переживаний из-за ссоры с отцом, Теону каждый день ждала пытка ревностью. После свадьбы Михаил переехал к Софико и частенько, выходя на балкон, Теона видела счастливых молодоженов.

В первый раз увидев на балконе напротив целующихся Софико и Михаила, Теона задохнулась от боли и, захлопнув дверь своего балкона, кинулась обратно в комнату. Но и в комнате не было спасения! Страшным зверем по ней металось зеленоглазое чудовище – ревность.

Теона не желала, чтобы эта зеленоглазая тварь поселилась в ее комнате и в ее душе; она не хотела избегать Софико, не хотела испытывать по отношению к любимой подруге никаких негативных чувств. Тем не менее Теона понимала, что она не может «выключить» свои эмоции волевым усилием, что каждый день она будет видеть счастливые лица Софико и Михаила и чувствовать, будто ей в сердце воткнули нож и теперь его медленно поворачивают.

«Я должна уехать! – в какой-то миг поняла Теона. – И чем дальше от Тбилиси, тем лучше!»

У нее было три варианта: переехать в соседний Кутаиси к старшему брату, в Грецию к дяде по отцовской линии или к тете Манане, сестре матери, в Петербург. Вообще самым простым и прекрасным вариантом был Кутаиси. Этот город совсем рядом от Тбилиси, и она всегда сможет вернуться домой, если станет невыносимо. На втором месте в ее хит-параде «перемены участи» стояла Греция – красивейшая зеленая страна с морем и постоянным солнцем. И самым ужасным Теоне представлялся русский город на болотах с его паршивым климатом. Конечно, в Петербурге прекрасная архитектура, но когда весь год будешь клацать зубами от холода, а солнца вообще не увидишь, то и никаких архитектурных красот не захочешь. Короче, Петербург Теона отмела сразу; с ее точки зрения, туда можно было отправиться разве что в ссылку за какое-нибудь серьезное преступление.

В итоге она решила выбрать Кутаиси. Но в тот миг, когда Теона уже вроде бы все решила, она услышала Софико, призывавшую ее выйти на балкон.

Теона съезжилась и пошла на балкон, как на казнь.

Улыбающаяся Софико прокричала Теоне:

– Приходи сегодня к нам, дорогая, отмечать день рождения Михаила!

– Приду, если смогу! – выпалила Теона. – Извини, у меня там... суп подгорает! – И умчалась обратно в комнату, где ее скрючило от боли.

Она вдруг подумала, что вот сейчас ей так плохо, что, может быть, единственный вариант избавиться от этой тоски, сделать себе еще хуже?! А хуже можно сделать только, если...

– Я еду в Петербург, к тете Манане, – вечером объявила Теона.

Услышав ее слова, мать заплакала, а пес Гриль даже завыл от ужаса.

Они смотрели на Теону так, словно прощались с ней навсегда.

И вот через два дня она будет в Петербурге. Уже куплен билет на самолет, собраны вещи, все решено.

Теона застегнула чемодан и вышла из дома, чтобы еще раз пройтись по любимому Тбилиси и попрощаться с ним перед долгой ссылкой в северный Петербург.

* * *

Санкт-Петербург

По выходным в «Экипаже» Лешу замещал Никита, хотя Леша запросто мог обойтись и вовсе без выходных, потому что отдыхать он не любил и, честно говоря, не умел. Вот и в субботу с утра он маялся, не находя себе дела. До вечерней поездки в аэропорт, где он должен был встретить племянницу Мананы, оставалась еще уйма времени.

Не зная, чем заняться, Леша слонялся по своей большой, доставшейся ему от деда квартире. В этой квартире в старом доме у Никольского собора прошло Лешино детство. Сколько он себя помнил, вся его жизнь была связана с прекрасным небесно-голубым Никольским собором и сереньким Крюковым каналом. И с дедом Василием Ивановичем Белкиным.

Лешин дед почти всю жизнь прослужил корабельным коком на флоте, но после того, как на его шею неожиданно свалился внучок-подкидыш, Василий Иванович уволился с флота и осел на суше. В последние годы жизни он работал шеф-поваром в кафе и воспитывал внука.

Гениально варить кофе, мастерски жарить картошку и оптимистически смотреть на жизнь – все свои главные навыки Василий Белкин передал внуку. Леше до сих пор не хватает его адски вкусной картошки, крепчайшего, сваренного на огне кофе и психотерапевтических бесед в стиле «а жизнь, Леха, как тельник у моряка, в полосочку, сегодня – черная, завтра – белая!». После смерти Василия Ивановича их большая квартира враз опустела. И хоть деда нет уже несколько лет, Леша до сих пор не решается здесь что-то изменить, хотя бы сделать ремонт или переставить мебель.

Устав слоняться, Леша вышел из дома. Он поторчал на набережной, погонял силой мысли льдины на Неве, потолкался в толчее Дома книги, зачем-то купил там здоровенный, с центнер весом, справочник о кофе и кофейной культуре, затем прошел через сырой, бесприютный об эту пору Михайловский сад, долго глядел, задрав голову на плывущие в небе купола собора Спаса на Крови, а потом, поняв, что замерз, решил где-то погреться. Ближайшим местом оказался Русский музей, и Леша нырнул внутрь.

Бродя по залам, Леша пришел в тот, где висели картины художника Саврасова, и задержался здесь дольше всего. В саврасовских пейзажах была такая среднерусская звенящая тоска и бесприютность и что-то такое до боли родное, намертво вписанное в нашу русскую матрицу, что это почему-то не отпускало. Но странное дело – разглядывая одну из картин, которую никак нельзя было назвать жизнерадостной, Леша тем не менее почувствовал, как его настроение улучшается. Да, еще предстояло пережить долгий март и до настоящей весны было еще ох как далеко, а все-таки весна уже чувствовалась!

Из музея Леша вышел в хорошем расположении духа. Он думал о том, что скоро станет тепло, и у них в «Экипаже» будет летняя терраса и живые цветы, и красивые девушки в летних платьях будут сидеть за уличными столиками и пить кофе. Ну? Разве это не прекрасно?!

Как бы подтверждая Лешины догадки о скорой весне, рядом зачирикали воробьи и мимо прошла красивая девушка с распущенными волосами, у которой был какой-то подозрительно весенний вид. Вот так – город еще не успел оттаять от долгой зимы, но женщины и птицы весну уже чувствовали (они всегда первыми чувствуют ее приближение).

Довольный Леша поймал такси и поехал в аэропорт.

Аэропорт гудел, люди расставались, встречались, летели куда-то, а Леша Белкин стоял посреди зала прилета, высматривая в толпе племянницу Мананы. Причем высматривал он (спасибо за наводку, Манана!) первую красавицу Тбилиси.

И вот наконец он ее увидел! Прямо к нему шла, рассекая пространство, гордо неся свою красоту, фигуристая рослая брюнетка, принадлежащая к той редкой породе женщин, беско-

нечные ноги которых начинаются где-то на уровне ушей. Обрадовавшись, Леша резво побежал ей навстречу.

– Привет! – широко улыбаясь, сказал Леша. – Я – Алексей! Будем дружить?

– Отвали, урод, – бросил Леше невесть откуда взявшийся шкафообразный мужик.

Завидев громилу, красотка тут же бросилась ему на шею.

– Простите, вы – Теона? – попятился Леша.

Мужик-шкаф буквально зарычал на него:

– Сказано – отвали! – и повернулся к спутнице. – Идем, Катя!

Леша пожал плечами – ошибочка вышла! – и растерянно огляделся по сторонам. Все прилетевшие пассажиры этого рейса уже разошлись, и только поодаль стояла маленькая худая девица в красном берете.

Леша отвернулся. Эта красная шапочка не была похожа на первую красавицу, да и вообще на красавицу – будем честны! – тоже. Но поскольку зал опустел и выбирать больше было не из кого, Леша снова остановил на ней свой взгляд.

Красная шапка деловито поправила берет и шагнула к Леше:

– Это ты – Белкин?

Леша удивился ее вопросу не меньше, чем недавнему незаслуженному грубому «отвали», и уставился на незнакомку.

– Так ты Белкин, нет? – не выдержала девушка.

Леша долго молчал, потом не без грусти признался:

– Белкин. Я.

– А я – Теона! – заявила девица. – Племянница Мананы.

Леша глядел на нее во все глаза. Девица была мелковатого калибра, тощеватая, с огромными, в половину физиономии, темными глазищами. Самым примечательным в ней были как раз глаза (смотрит, кстати, с вызовом, как будто он ей что-то задолжал) и прическа в виде швабры из мелких кудряшек. В целом вид у новоприбывшей был довольно странноватый: красный берет, легкое пальтецо, шарфик в горошек – нет, петербургские женщины в начале марта так не ходят! И честно говоря, она вообще была похожа не на женщину, а на какого-то нахохлившегося воробья. Поначалу Леша с племянницей Мананы добросовестно пытался быть гостеприимным, словно бы та приехала в гости лично к нему – шутил и старался ее как-то поддержать; к примеру, когда они вышли на улицу, он предложил отряхнуть ее дурацкий берет от снега, но встретив в ответ лишь угрюмое молчание, Леша решил заткнуться, оставил ее и ушел искать такси.

С такси, кстати, что-то не вышло, Леша никак не мог найти вызванного им водителя. В результате, когда через полчаса он на такси подъехал к тому месту, где оставил Теону, та, уже насквозь промерзшая и промокшая, наградила его взглядом тяжелым, как булыжник.

В машине оба молчали. Дар речи оба обрели только, когда водитель, подъезжая к улице, сообщил, что дальше он проехать не сможет, потому что дорога к нужному дому перекрыта.

Леша, вспомнив неподъемную тяжесть чемодана Теоны, тихо ойкнул:

– Почему перекрыта?

– Здесь второй год трубы меняют. Пешком идете! – пожал плечами водитель и высадил незадачливых пассажиров посреди улицы.

Леша передал Теоне купленный днем в книжном кофейный справочник, вступил в неравный бой с чемоданом и, со стоном обхватив проклятый, размером с гроб, чемоданище, поплелся вслед за красной шапкой.

– В нормальном городе разве будут зимой менять трубы?! – на ходу ворчала Теона. – И у вас вообще пишут на домах номера?!

Озираясь по сторонам, она налетела на строительное ограждение и, пытаясь сохранить равновесие, выронила Лешин книжный том в лужу.

Леша вскрикнул: ой, моя прелесть!

Теона подняла перепачканный справочник:

– Извини, я нечаянно.

Леша махнул рукой – он уже понял, что новое знакомство как-то не задалось, и хотел лишь побыстрее распрощаться с этой девицей. Тем не менее он вежливо дал ей пару инструкций относительно того, как надо вести себя в старых петербургских квартирах, а также перечислил основные достопримечательности квартала, где ей теперь предстояло жить.

– Кстати, не знаешь, где здесь поблизости нормальная еда? – поинтересовалась Теона.

– В каком смысле? – не понял Леша.

– В смысле поесть! – усмехнулась Теона. – Надо же мне будет где-то поужинать.

Леша удивился:

– А ты разве сама не готовишь?

– Я готовить вообще не люблю, – пожала плечами Теона, – и не умею!

Леша посмотрел на нее с нескрываемым разочарованием: м-да, а племянница-то не в тетю пошла!

Сверившись с написанным Мананой адресом, они наконец нашли нужную парадную.

Отдуваясь (каменной она туда напихала, что ли?!), Леша кое-как взобрался на третий этаж, поставил чемоданище перед старой, пошарпанной дверью и вручил девице переданные Мананой ключи от квартиры.

– Спасибо. Может, зайдешь на чай? Хотя вообще-то я не уверена, что он у меня есть, – буркнула девица.

– Не стоит беспокоиться! До понедельника, – без энтузиазма пробубнил Леша, – встретимся в «Экипаже».

* * *

Если что-то могло пойти не так, то вот оно все и пошло не так с самого начала.

Из иллюминатора самолета Петербург показался Теоне таким серым и мрачным, что ее передернуло. А выйдя из самолета и увидев эту гнуснейшую смесь дождика и снежка, она тяжело вздохнула. «Ну, ты же хотела, чтобы тебе было плохо? Так вот цель достигнута, потому что хуже, кажется, и не бывает!» Потом этот встречающий клоун, которого прислала тетя Манана, совершенно вывел ее из себя. Она ведь видела, как он бросился к той роскошной девушке, и последующее разочарование в его глазах Теона увидела (не дура, знаете ли, все понимаю!) и разозлилась: ах, не подхожу? ну извините!

Между прочим, внешне он ей тоже не понравился. Какой-то хлипкий чудик в пижонской курточке, пожалуй, слишком смазливый, вообще не в ее вкусе! Так, мальчишка какой-то! И мелет ерунду. «А мне с ним еще и работать придется!» – подумала Теона, поеживаясь от холода. Вот, кстати, холодно было так, что сводило уши, зубы, вообще все. С небес, как из худого ведра, сыпал противный то ли снег с дождем, то ли дождь со снегом. Ее любимый красный берет, который, как она считала, придавал ей заливчатый французский вид, намок и сейчас облипал ее мокрым блином. И похожа она теперь была не на француженку, а на мокрую – се ля ви! – курицу.

Теона видела, что клоун в пижонской курточке, глядя на нее, еле сдерживается, чтобы не заржать. Теона была такая огорченная и злая, что, если бы он заржал, она бы тоже не сдержалась, пожалуй, высказала все, что думает про этот город на болотах.

Она, разумеется, полагала, что сейчас он посадит ее в машину, но он сообщил, что вызвал такси.

– Я не вожу машину, – улыбнулся чудак и, вручив ей какой-то огромный книжный том, куда-то ушел.

Теона взглянула на книгу – ну, конечно, справочник по кофе и кофейной культуре! Тетя Манана говорила ей, что этот Леша Белкин немного сдвинутый на кофе; видимо, так и есть, если он даже в аэропорт приперся со своим толстенным справочником!

Между тем ее новый знакомый все не появлялся. После получаса ожидания такси под дождем Теона была уже не злая, а просто очень-очень расстроенная!

Наконец подъехала машина, и Белкин замахал ей руками.

Они долго ехали по городу в наступающих сумерках, а затем водитель вдруг высадил их посреди улицы и сказал, что дальше они должны идти пешком, потому что в этом диком городе кому-то посреди зимы приспичило менять трубы.

Постукивая зубами от холода, Теона выползла из машины и долго наблюдала битву титанов – схватку кофемана Белкина с ее чемоданом.

Потом им предстоял долгий квест «как найти нужный дом в петербургском лабиринте сообщающихся дворов», а затем, в одном из ответвлений лабиринта, Белкин вдруг решил дать ей парочку наставлений, так сказать, инструкций на предмет правильного поведения в старых квартирах.

– Слушай, ты там, в этой своей квартире, главное, ничего не бойся! – назидательно сказал Белкин.

– Ты о чем? – мгновенно перепугалась Теона.

– Ну, я про призраков!

– Про каких призраков?! – сердце Теоны куда-то упало.

– Про тех, что водятся в старых квартирах, – невозмутимо ответил Белкин. – Так вот, их не надо бояться. Просто ночью, когда почувствуешь, что тебя кто-то ощупывает, нужно спокойно – без суеты! – сказать им: «Ребята, все нормально, я своя».

Теона остановилась и уставилась на Лешу:

– Ты это сейчас серьезно?

– Конечно! – кивнул Леша. – Понимаешь, Петербург – необычный, мистический город! Вот этому твоему дому лет сто пятьдесят, не меньше!

– Ну и? – не поняла Теона.

– Ну и представляешь, сколько людей здесь жило и умерло? – со значением заметил Белкин. – Их тени бродят, не находя покоя.

– Спасибо большое за разъяснение! – фыркнула Теона.

Этот чудик сейчас свалит отсюда, а ей, между прочим, придется здесь ночевать! С призраками и теньями, которые придут ее «ощупывать».

Теоне стало так тоскливо, что, когда они наконец отыскали нужную парадную (уж конечно же, оказавшуюся готически мрачной!) и остановились перед дверью ее будущей квартиры, она, чтобы оттянуть момент, когда ей придется остаться одной, предложила чудаку Белкину зайти на чай.

Но Белкин от чая отказался. Он подхватил свой толстый справочник, напомнил, что в понедельник будет ждать ее в кофейне, и, подкрепив свои недавние страшилки контрольным увещанием «ты, главное, ничего не бойся», откланялся.

Теона открыла заскрипевшую старую дверь, вошла в большую прихожую, нащупала выключатель, включила свет. Позже она, конечно, вспоминала этот день и то свое первое впечатление от квартиры, но неизменно приходила к выводу, что нет, пожалуй, никаких особенных предчувствий у нее тогда не возникло, она просто чувствовала раздражение, усталость, тревогу, но интуиция ей тогда ничего не подсказала.

Глава 3

Кофейные реки, молочные берега

Квартира, в которой Теоне предстояло жить, оказалась внушительной; три большие комнаты, высоченные потолки – здесь было куда больше пространства, чем нужно одинокой молодой девушке. Вообще тетя Манана, добрая душа, долго уговаривала племянницу жить у них, но Теона от ее предложения отказалась, поскольку не хотела стеснять родных. В итоге Манана предложила девушке бесплатно пожить вот в этой самой квартире, принадлежавшей каким-то ее знакомым.

Теона оглядела комнаты, осмотрелась. Квартира выглядела слегка запущенной: паркет поскрипывал, старинная мебель, видимо, знавала и лучшие времена; и все же в ней было какое-то благородство и сдержанный стиль. В гостиной разместилась огромная библиотека, на стенах висели картины, одна из которых – портрет незнакомой молодой женщины – привлекла внимание Теоны. Красивая незнакомка на портрете смотрела на Теону холодно и строго, в ее взгляде будто читалось: «Еще посмотрим, девушка, как мы с вами уживемся!»

Теона вздохнула – новая жизнь казалась ей такой же сумрачной, как эта квартира. Она подумала, что надо бы потом сделать здесь хотя бы косметический ремонт, если, конечно, владельцы не будут против. Ну хотя бы покрасить стены!

В холодильнике на кухне девушка нашла еду, заботливо приготовленную Мананой, и бутылку красного вина.

Теона распаковала чемодан, разложила одежду и определила место для своих любимых кукол. Эту кукольную пару: большеглазую золотоволосую Нино, в бархатном платье и в шляпке, и ее постоянного спутника Георгия, музыканта со скрипкой, – Теона посадила на прикроватный столик в спальне.

Закончив с обустройством на новом месте, она налила бокал вина и забралась на широкий подоконник в гостиной. С этой точки обзора была видна набережная и река.

«А какая, кстати, это река? Ладно, завтра разберемся!» – зевнула Теона.

Она уже чувствовала невозможную усталость и хотела спать. Поэтому, когда ей вдруг позвонил заполошный Леша Белкин, она постаралась побыстрее закончить разговор.

Уснула она довольно быстро и крепко проспала до самого утра. Проснувшись утром, Теона усмехнулась: «Подумать только – обошлось без призраков! Никто не приходил меня пугать, как обещал этот дурачок Леша!»

Она подошла к окну. Небо было серебряно-серое, река вилась серой лентой. Небо, река и улица сливались в один свинцовый фон. «Да-а-а, жизнерадостный город, ничего не скажешь!» – хмыкнула Теона.

Взглянув на часы, она увидела, что пора собираться на встречу с Лешей. Вчера, позвонив ей уже поздно вечером, он неожиданно пригласил ее в какой-то музей. Положа руку на сердце, ей не очень-то хотелось встречаться с чудаковатым Лешей, но и сидеть одной в пустой квартире в чужом городе тоже не хотелось, поэтому Теона решила принять его предложение. Она было натянула свое пальтецо, но, вспомнив, как вчера было холодно, задумалась: что же надеть? Припомнив, что тетя Манана во вчерашнем телефонном разговоре упомянула о том, что привезла ей на первое время кое-какую теплую одежду, Теона примерила тетин пуховик. Увы, в этом огромном черном пуховике Теона сама себе напоминала мышь в мешке. Ну делать нечего, это все же лучше, чем мерзнуть. А завтра она купит себе что-нибудь приличное.

Она уже собиралась уходить, но вернулась в спальню за сумкой и, сначала почувствовала, что что-то не так, а потом и увидела. Ее внимание привлекли куклы на прикроватном столике. Теона была готова поклясться, что вчера ее куклы Нино с Георгием сидели иначе, а теперь они

были сдвинуты, словно бы этой ночью их кто-то переставил местами. Да и шляпка у принцессы Нино почему-то сбилась набок.

«Я просто вчера очень устала, поэтому и не помню точно, как они сидели», – тоскливо сказала Теона, заставляя себя поверить в то, что все в порядке. Она поправила шляпку Нино и посадила кукол так, как ей казалось правильным.

Потом она надела берет и пошла в город – разбираться, что за река течет под ее окнами и где находится этот Русский музей.

* * *

Простившись с разлюбленной племянницей Мананы, Леша пришел домой и уже собиравшись устроиться на диване, чтобы посмотреть на сон грядущий новый увлекательный сериал, когда в его подсознании зазвенел злобный комар – недовольный голос за что-то его бранившей Мананы. И тут Леша вспомнил, что забыл передать Теоне сверток с пирогами, которые ему перед отъездом вручила Манана.

Леша аж подскочил на месте: как это у него вылетело из головы?! И что теперь делать, однако? Тащиться сейчас на ночь глядя к этой угрюмой красной шапке ему совсем не хотелось. Может, сожрать пироги самому и дело с концом? Но Манана ему потом это точно не простит, еще, чего доброго, подвергнет страшной пытке – лишит навсегда своих десертов!

Леша нехотя набрал телефонный номер Теоны и с ходу предложил:

– Слушай, такое дело, давай я к тебе заеду?

– Зачем это? – встревожилась Теона.

Леша честно покаялся в том, что забыл передать ей дары от любимой тети. Но Теона вдруг проявила великодушие и сказала, что раз такое дело – пироги он может съесть сам, потому что она вообще-то уже собирается спать.

Леша так обрадовался ее неожиданному благородству, что решил дать ей второй шанс – ну, может, она все-таки нормальный человек?! – и спросил, чем Теона занимается завтра. Та ответила, что никаких планов на воскресенье у нее нет, разве что поздно вечером к ней заедет вернувшаяся из Москвы тетя Манана.

Леша, поняв, что по логике вещей должен сопроводить вопрос каким-то конкретным предложением, задумался: а куда, собственно, сводить эту красную шапочку? Куда вообще таких водят? Что до него, то он иногда пускался во все тяжкие – ходил, бывало, в ночные клубы, знакомился там с девушками, завязывал необременительные отношения, потом без сожаления разрывал их... Или он просто изредка мог накатить виски в баре. Но не поведешь же красную шапку в бар или в ночной клуб? Она же потом сдаст его Манане с потрохами. О! Есть отличный вариант культурного досуга!

– А идем в музей? – предложил Леша, чувствуя себя воистину жителем культурной столицы.

Вот так и получилось, что в воскресенье, с утра пораньше, Леша топтался у входа в Русский музей.

«Красная шапка сегодня выглядит еще страньше, чем вчера», – отметил Леша, увидев Теону.

На кучерявой голове девицы красовался все тот же берет, но вместо пальто на ней теперь была какая-то странная плащ-палатка, настолько огромная, что казалось, она затрудняла хрупкой Теоне передвижение. В целом впечатление было такое, будто мышь засунули в сумку. Леша едва сдержался, чтобы не хихикнуть.

Поймав его удивленный взгляд, Теона пожала плечами:

– Это пуховик Мананы, кажется, он мне немного великоват.

Когда она сняла берет и пригладила волосы, Леша опять чуть не расплылся в улыбке: все-таки странно – такая маленькая хрупкая девушка и такая кудрявая, пышная копна волос! Словно бы конкретно этой девушке пришили башку от другой. Ну да ладно...

Они долго ходили по музею, рассматривали картины. Теона с удовольствием простаивала перед полотнами, на которых было изображено море или солнечные пейзажи. А потом Леша отвел ее в зал, где висели картины Саврасова и доверительно сказал, что ему очень нравится этот художник.

Теона застыла перед одним из полотен, на котором разливалась половодьем робкая русская весна – мрачное небо, болотца, чахлые, словно долго болевшие березки, – и вдруг с тоской выдохнула:

– Какой ужас! Это же называется «отгружаю депрессняк тоннами». Вот что есть ваш Петербург и ваша страна в целом!

Леша аж взвился:

– А у вас-то в Грузии что?!

– А у нас огромное солнце! И горы, и красное вино, и люди поют песни. И всегда-всегда весна и лето! – гордо изрекла Теона.

Леша задохнулся от обиды:

– А что же ты тогда сюда притащилась? Ну и сидела бы в своем лете?!

– Да просто жизнь приперла к стене, и пришлось уезжать.

На лице девушки застыло такое отчаяние, что Леше неожиданно стало жаль Теону, и он примиряюще заметил:

– Да ладно. Я вообще-то Грузию люблю: шашлыки, хинкали, хачапури!

– Какой же ты примитив! – усмехнулась Теона. – Грузия – это не только еда!

Вот и поговорили. Опять полаялись, как кошка с собакой. В итоге всю дорогу из музея до дома Теоны они молчали.

Лишь на прощание Леша сухо сказал:

– До завтра! Утром жду в «Экипаже». И не вздумай опаздывать!

* * *

Леша угрюмо смотрел на часы – Теона опаздывала уже на полчаса. Прекрасное начало ее первого рабочего дня!

Он заглянул на кухню, где Манана пекла круассаны, и ехидно поинтересовался:

– Ну и где наша новая барменша?

Манана безмятежно махнула рукой:

– Сейчас придет! Мы с ней вчера полночи проговорили, может, заспалась девочка, ничего страшного. Или заблудилась бедняжка в незнакомом городе, растерялась!

– Растерялась! – насмешливо протянул Леша. – Я не сказал бы, что она теряется... Честно говоря, племянница у тебя – чистая скорпиониха. Мелкая, но так ужалит, что полруки оттяпает!

– Что ты, Лешка, – вскинулась Манана, – она такая хорошая девочка – добрая, нежная, просто стесняется.

– Что-то я не заметил в ней особой стеснительности, – буркнул Леша. – Все время дерзит и колется – чистый кактус! Вот спасибо тебе! А мне еще и работать с ней придется!

– Ну не злись, – примиряюще сказала Манана. – Хочешь, я тебе опять твой любимый пирог испеку?!

– После общения с такой напарницей-колючкой и пирога «Двенадцатой ночи» не захочешь! – пожаловался Леша.

– Ты просто ее еще плохо знаешь! – заверила Манана.

– Да у меня как-то и не возникает желания узнать ее получше! – честно признался Леша и тут же услышал рядом возмущенное фырканье.

Оглянувшись, он увидел, что за его спиной стоит насупленная Теона.

– Привет, Белкин. Вижу, ты без меня очень скучал?! – усмехнулась девушка.

И только появление Никиты Арсеньева предотвратило возможную перепалку Леша и Теона. Кстати, Леша отметил, что с Никитой Теона ведет себя куда любезнее, и в беседе с ним она даже производит впечатление относительно нормального человека.

– Отличная девушка, – подмигнул Леше Никита, когда Теона отвернулась, – умная и обаятельная!

Леша сморщился и поинтересовался у «мисс обаяния», какие виды кофе она умеет готовить.

– Честно говоря – никакие, – улыбнулась Теона. – Я кофе вообще не люблю.

Леша застонал, как смертельно раненный зверь:

– Да как же, да что же это?!

– Ну вот так, – пожала плечами Теона. – Но я ответственный, легко обучаемый человек, поэтому я быстро усвою все, что нужно.

– Но кофе нужно любить! – вскричал Леша. – Тут все серьезно!

– А ты вообще какой-то чрезмерно эмоциональный парень, – неодобрительно заметила Теона. – Неужели ты так уж любишь кофе?

– И даже еще больше! – отрезал Леша. – А ты-то что из напитков предпочитаешь?

– Чай, а еще лучше красное домашнее вино! – призналась Теона.

– И с этим человеком нам придется работать?! – возмутился Леша.

Манана с Никитой, наблюдавшие за диалогом Леша и Теона, переглянулись.

– Ну ничего-ничего! Мы еще сделаем из тебя приличную девушку! – с тихой угрозой пообещал Леша и тут же включил гимн отъявленных кофеманов, песню Фрэнка Синатры «The Coffee Song».

Старина Фрэнк пел о чудачках, которые даже в яичницу с ветчиной добавляют кофейный кетчуп, да что там говорить – они даже в кофе добавляют кофе! В какой-то миг оба бармена не сдержались и тоже затянули песню.

Услышав слова «Ты встречаешься с девушкой и позднее понимаешь, что она пахнет как кофеварка», Теона взглянула на парней с изумлением. Ну ладно чокнутый Белкин, но от Никиты она такой кофейной экспрессии никак не ожидала.

– Понимаешь, нам всем нужна энергия, – улыбнулся Никита. – А эту энергию дает что?

– Что? – переспросила Теона.

– Кофе! – прокричали Леша с Никитой.

Теона выразительно на них посмотрела:

– Парни, вы сумасшедшие!

Но как бы там ни было, несмотря на всю разность характеров, темпераментов и глобальное различие вкусов, отныне Леше и Теоне предстояло работать вместе. Ничего не поделаешь!

* * *

Весь день Данила Суворов провел в Кронштадте, без усталости снимая этот гордый город с разных ракурсов. Кронштадт завораживал Данилу не меньше, чем красоты Крайнего Севера или экзотика африканских пустынь, поскольку в нем сохранился неповторимый петербургский «гений места».

Данила долго снимал на набережной. Ветер рвал серое полотно Финского залива, небо сливалось с водой, покачивались корабли на причале. Непогода испытывала город-крепость, его жителей и самого фотографа на прочность. Но Данила радовался разбушевавшейся сти-

хии, позволявшей сделать характерные, образные снимки. Сделав целую серию фотографий на заливе, Данила дошел до прекрасного, уходящего ввысь Морского собора и невольно улыбнулся: «Создал же Господь такую красоту!» Серия фотоснимков собора, и дальше в путь.

Суворов бродил по окраинам города, заглядывал во все дворы, закоулки, фиксировал камерой проступающее в трещинах на стенах, в следах старых военных снарядов, в золоте церковных куполов время. По сути Данила всегда занимался тем, что стремился удержать ускользающее время, запечатлеть его. Вся его жизнь была попыткой зафиксировать, поймать и бережно сохранить что-то очень зыбкое, эфемерное, ускользающее. Потому что кто его знает – вдруг через несколько лет в этот гордый, тихий, дремотный город, сам по себе похожий на застывший корабль, ворвутся какие-нибудь преобразователи и захотят переиначить здесь все на современный лад: уничтожат этот старый форт, снесут тот старый дом, а на месте этого магазинчика с трогательной, советской еще вывеской соорудят очередной безликий супермаркет. Любой город может исчезнуть, уйти как Атлантида под воду. Понимая это, Данила хотел сохранить любимые места в их первозданном виде хотя бы на карте памяти.

Изрядно постранировав по свету, фотограф Суворов в какой-то миг решил отдать дань уважения родной стране – он много снимал русский Север, красоты Алтая и Урала. И вот теперь осел в Петербурге. До этого времени у Данилы не было своего жилья (московская квартира, где жили его родители – не в счет). Он и не хотел пока обзаводиться собственным жилищем, чтобы не привязываться к месту, не ограничивать себя в странствиях по миру, в своей свободе. Он предполагал, что когда-нибудь, возможно, бросит где-то якорь и оседет, но когда это будет и в какой точке земного шара, еще не знал. Пока же его временным приютом стала квартира друга Ивана в старом, истинно петербургском доме и отчасти уютная кофейня «Экипаж», где он проводил много времени.

Вот и в этот вечер, вернувшись из Кронштадта, по пути домой Данила зашел в «Экипаж» – купить круассанов на завтрак, выпить еще одну чашку кофе и сыграть с Лешей в шахматы.

Однако Леше сегодня, судя по всему, было не до шахмат. В кофейне появилась новая сотрудница, и Леша был занят тем, что объяснял девушке тонкости их работы.

Попивая кофе, фотограф Суворов наблюдал за приятелем и новой барменшей Теоной. У девушки была своеобразная внешность и не менее своеобразная манера держаться: резковатые жесты, но при этом прекрасная пластика (иногда казалось, что девушка сейчас затанцует), необычайно живая мимика и очень выразительные глаза. Данила даже подумал, что если бы он в принципе занимался портретной съемкой, то он хотел бы снимать эту девушку. Ее нельзя было назвать красивой, но она была больше, чем красива. В ней угадывалась, мерцала яркая индивидуальность, а именно это столь редкое в наше время качество фотограф Суворов больше всего ценил в людях вообще и в девушках в частности.

При этом, судя по всему, отношения у напарников не складывались, временами от Лешы с Теоной начинали искрить некие, видимые даже для окружающих, электрические разряды. Улучив момент, Леша подмигнул приятелю и, указав на Теону, сделал выразительный жест в области шеи: дескать, вот она мне уже где!

Данила улыбнулся: «Ничего не поделаешь, старик, с девушками вообще непросто!» – и пошел к себе.

* * *

В то время как Данила просматривал сделанные за день фотографии, а Леша объяснял Теоне разницу между степенями обжарки кофе, на петербургский вокзал прибыл поезд.

Лина вышла на перрон, вдохнула сырой мартовский воздух. В Петербурге было по-зимнему холодно, дул колючий, пронизывающий ветер. Лина крепче прижала к себе чемодан. Толпа подхватила ее, понесла.

На выходе из вокзала к ней вдруг подошла женщина, закутанная в платок, из-под которого блестели только черные глаза, и завела классическую шарманку:

– Эй, красавица, давай я тебе погадаю, всю правду расскажу!

Лина удивилась (так вроде цыгане давно перевелись?!) и посмотрела прямо в эти черные бездонные глазищи.

Незнакомка – цыганка или не поймешь кто – ответила ей пристальным взглядом и вдруг покачала головой:

– Ох, милая, ты несешь свою беду, а беда у тебя большая. Смотри, утянет она тебя на дно.

Лина усмехнулась: а правду говоришь, чернявая! и вышла в город.

Она несла свою беду, тяжелую, неподъемную ношу несколько лет, и вот теперь она в городе, который станет ее дном или могилой.

* * *

В следующие дни Леша с Теоной упорно старались друг друга не замечать, разве что им приходилось общаться по рабочим вопросам. Иногда Леша злился: «Ты все делаешь не так!», Теона – тоже на подзаводе – огрызалась и бурчала в ответ.

Манана с изумлением за ними наблюдала и только качала головой: вот ведь нашла коса на камень!

Бариста Никита теперь работал пожарником – старался вовремя гасить огнеопасные вспышки в отношениях коллег. То Леша поддавал жару, причитая «Нет, тебя вообще нельзя подпускать к кофеварке!», то Теона пыхла, как закипевший чайник: «Белкин, да ты меня уже достал своими придирками!».

В свободное от работы время Леша с Теоной расходились по разным углам и делали вид, что друг друга не замечают.

...Если бы Теону спросили, что именно ей не нравится в ее новой жизни, она бы, не меняясь по пустякам, честно ответила, что ей не нравится все. Абсолютно все. Ей не нравился здешний ужасный климат, этот холодный и высокомерный город, и ей не нравилось то, что происходило в ее квартире. Не то чтобы сама квартира вызывала негативные эмоции, но вот эти странности, которые в ней продолжались, Теоне никак не нравились.

Нет, она не ошиблась, когда в первое утро в этой чужой квартире ей показалось, что кто-то касался ее кукол и переставил их местами, потому что через пару дней история повторилась. Как-то, проснувшись утром, Теона увидела – о нет, опять! – что ее куклы снова сидят не так, как их усаживала она.

Встревоженная Теона несколько раз спрашивала Манану о хозяевах квартиры: кто здесь жил раньше, чем занимались эти люди? Но странное дело, обычно словоохотливая тетя Манана, услышав этот вопрос, предпочитала делать вид, что она ничего не знает и упорно отмалчивалась.

У Теоны было ощущение, что ее испытывают. Постоянно испытывают на прочность – этот недружелюбный, надменный город, какие-то неведомые духи, обитающие в старой квартире, да и в кофейне ее все время проверяют – справится она с новой работой или нет. Даже этот дурацкий Белкин...

Теона метнула в коллегу угрюмый и острый, как дротик, взгляд. В этот миг Белкин как раз наворачивал десерт тети Мананы. Однако же пущенный Теоной дротик попал в цель – Белкин поперхнулся и перестал жевать.

– Что такое? – занервничал Леша.

– А что ты тогда говорил про призраков? – спросила Теона.

– К тебе приходят? – страшно заинтересовался Леша.

Теона пожала плечами: да как сказать?! Видеть, впрочем, никого не видела, врать не буду, но что-то не так... С этой квартирой, с этим городом, да и со мной тоже.

Леша понимающе кивнул:

– Обычное дело, я же говорил! Но ты не дрейфь, просто повторяй, если что, как я учил: «Спокойно, я свой, то есть, своя!»

Теона вздохнула – вот что с этим городом «не так». В нем все, через одного, чокнутые. А почему так – кто его знает. Может, йода им всем не хватает, а может, болота, на которых построен город, источают какие-то, вредные для мозга и нервной системы испарения.

В кофейню вошла постоянная посетительница – экскурсовод Мария, с которой Теона уже успела познакомиться. В Марии было что-то невыразимо располагающее и притягательное; Теоне очень хотелось с ней поговорить и даже напроситься к ней на экскурсию, но она не решалась. Всю свою симпатию к Марии Теона старалась выразить широченной и искренней – в пол-лица – улыбке.

– Да ты что творишь, бестолковая? – раскудахтался у Теоны под боком Белкин. – Ты же молоко перельешь, испортишь весь кофе!

Дружелюбная улыбка погасла, и на лице Теоны появилось привычное – зверское – выражение, какое было всегда, когда девушка разговаривала с Лешей.

– Ну ладно, вот тебе сейчас двадцать семь лет, и в этом возрасте вот это «подай-принеси» – нормальное занятие, а дальше-то что? Ты и в пятьдесят лет будешь работать барменом?! – не сдержалась Теона.

– Какое «подай-принеси»? – побледнел Леша. – Ты о чем?

– Да о том, чем ты занимаешься.

– Я «не подай-принеси», – отрезал Леша. – Я варю людям хороший, максимально хороший кофе, можно сказать, заряжаю их чистой энергией!

Он отвернулся и полдня с ней не разговаривал.

К обеду Теона не выдержала:

– Давай, что ли, мириться?

Леша пожал плечами:

– Я с тобой и не ссорился. А на счет «подай-принеси»... Я вообще-то скоро буду дипломированным дизайнером и начал, между прочим, с дизайна «Экипажа».

– Ты что, здесь все сам придумал? – изумилась Теона.

Дизайном «Экипажа» Леша занялся полтора года назад и тогда же поступил в университет на дизайнерский факультет. На самом деле Леша Белкин всегда хотел заниматься обустройством интерьеров, а тут все сложилось так удачно, что он мог совмещать учебу с любимой работой в кофейне, да еще и внедрять в жизнь свои дизайнерские идеи. Леша с увлечением взялся за дипломный проект «Дизайн кофейни», креативил от души и реализовывал идеи своего будущего проекта на практике.

Заручившись согласием Ники и согласовав с ней важные интерьерные преобразования, Леша условно разделил помещение кофейни на солнечную и лунную часть. В интерьере «солнечной» части кофейни солнечная тема по Лешиной задумке обыгрывалась свисающим с потолка золотистым муляжом солнца и огромным зеркалом в виде солнца на стене. Кроме того, в ее оформлении использовались светлые тона, особый текстиль и постеры картин. А «лунную», затененную часть кофейни по Лешину проекту мастера отремонтировали в темных тонах; на ней расположили множество светильников с мягким рассеянным светом и такое же большое настенное зеркало, как в солнечной части зала, только выполненное в виде

улыбающейся луны. В «лунной» части кофейни Леша повесил на стены черно-белые постеры с фотографиями знаменитых рокеров, джазменов, легендарных актеров и специально заказал текстиль в тон картинам.

Леша считал, что подобное оформление как нельзя лучше соответствует философии кофейни, в том числе и музыкальной, потому что в «Экипаже» всегда играл старый, добрый, проверенный временем джаз, рок или французский шансон. В итоге перемены в интерьере постоянные посетители кофейни восприняли на ура; а Ника, в один из своих приездов в Петербург, увидев преображенный «Экипаж», искренне похвалила новоиспеченного дизайнера Белкина.

После ремонта о кофейне «Экипаж» стали говорить: «А-а-а, это та самая кофейня «луна-солнце?!» Кто-то из постоянных посетителей кофейни облюбовал ее солнечную сторону у окон, кто-то предпочитает затененные столики на лунной, где можно укрыться от посторонних глаз, сам же Леша в течение дня любит переходить с одной половины на другую.

Жизнь ведь вообще, как считает Леша, – переход с солнечной на темную сторону и обратно.

... – Ну ладно, не обижайся, – примиряюще сказала Теона. – В «Экипаже» очень красиво и здорово! Я бы никогда не подумала, что такой, как ты, может придумать... – она запнулась.

– Спасибо, – отрезал Леша. – Давай лучше вернемся к правильной обжарке кофе!

* * *

Накануне Восьмого марта Леша купил несколько ведер тюльпанов, специально для кофейни. В день праздника он дарил каждой посетительнице «Экипажа» цветы. Теона хмуро наблюдала за тем, как Леша, ослепительно улыбаясь и отпуская комплименты, вручает женщинам тюльпаны.

К вечеру у Леши осталось одно ведро с не востребованными цветами. Леша взглянул на мрачную Теону и пожал плечами:

– Давай, что ли, тебе подарю? Раз уж все равно осталось.

Теона усмехнулась:

– А мне не надо! Вот еще – идти по городу с тяжеленным ведром!

Леша хмыкнул: ну нет, так нет! но вдруг почувствовал укол совести. Все-таки сегодня – женский день, а эта пигалица, хоть и похожа скорее на шипящую драную кошку, чем на женщину, все же особь женского пола. К тому же она недавно приехала, у нее нет друзей в чужом городе, и надо бы как-то проявить радушие, хоть проводить, что ли, ее домой, помочь отнести ведро. Но глядя на кактус по имени Теона, Леша понимал, что идти с ней куда бы то ни было ему совсем не хочется. Вообще не хочется.

– И не стыдно тебе, Лешка? – вдруг откуда-то донесся голос Ники.

А добрая Ника уж, конечно, взяла бы Теону под свое покровительство!

– Ладно, давай я тебя сегодня провожу и отнесу тебе цветы, – вздохнул Леша и, прихватив ведро с тюльпанами, поплелся за Теоной.

Они молча идут по скользкой набережной – говорить им не о чем, да и не хочется. По дороге Теона поскальзывается и, чтобы удержать равновесие, делает нелепые движения, как сломавшийся лыжник, потом падает и больно ударяется. Леша наклоняется, чтобы ее поднять, и роняет ведро, тюльпаны кинематографично сыплются на снег.

Теона встает, отряхивается, в глазах – злые слезы.

– Э, ты чего? – Леша внимательно смотрит на нее.

– Разве это весна?! – спрашивает Теона даже не Лешу, а какую-то небесную канцелярию, забросившую ее в эту странную версию пространства. – Разве это нормальный город?!

Леша, полагая, что вопрос адресован ему, пожимает плечами:

– Да, Петербург, в сущности, сложно назвать нормальным городом. Откровенно говоря, это самый странный город на свете. Но в нем много хорошего, и со временем ты...

– Ненавижу этот город, – перебивает Теона.

Оставшийся путь до ее дома оба угрюмо молчат.

У парадного Леша вручает Теоне ведро со словами:

– Ведро только отдай потом. Я его в подсобке взял, надо вернуть.

Да, на романтическую сцену все это мало похоже!

Теона зашла домой. Впрочем, домом это назвать невозможно. Дом – это что-то теплое, родное, а тут чужая квартира, где все незнакомое.

Она прошла в спальню и увидела, что куклы опять сдвинуты, а прическа у барышни Нино растрепана. Теона упрямо поправила шляпку и волосы Нино и снова усадила кукол, как она считала нужным. Потом Теона оглянулась и почему-то вслух, словно бы сейчас ее кто-то слышал, с вызовом сказала:

– Может, хватит меня испытывать?! Спокойно, я – своя.

Ей вдруг очень захотелось услышать родной мамин голос, и она позвонила в Тбилиси. Они с мамой разговаривали долго, забыв о времени. Мама рассказывала, как у них сейчас тепло, что она вчера готовила на ужин, а сегодня на обед, и что пес Гриль скучает без Теоны. А Теона описала ей кофейню, рассказала, что она уже научилась варить много сортов кофе и даже упомянула о своих коллегах (один умный – Никита, другой совершенный дурак – Леша Белкин), и призналась, что сильно скучает и по городу, и по Грилю, и по родителям, конечно.

Они уже прощались, когда мама вдруг сказала, что видела сегодня Софико с Михаилом, и те передавали Теоне привет.

Закончив разговор, Теона тяжело вздохнула. Зачем она здесь, где все-все чужое? Но не возвращаться же ей теперь обратно, пасуя перед сложностями? Это будет неправильно. Ее возвращение сейчас означало бы поражение и признание в собственной слабости.

Теона нашла вазу, поставила в нее тюльпаны. Как ни странно, но этот разноцветный весенний букет на столе в центре гостиной здорово преобразил пространство, наполнил его теплом. Квартира перестала казаться враждебной.

Теона вдруг вспомнила, как бабушка говорила, что, если предстоит что-то неподъемное, к чему и подступиться страшно, надо разбить эту пугающую громадину на обозримые поэтапные задачи. Собственная жизнь сейчас представлялась Теоне такой вот необъятной и непонятной космической черной дырой, но эту пугающую бесконечность можно было осмыслить небольшими фрагментами.

«Ладно, – решила Теона, – мне нужно продержаться еще два месяца! Будем считать, что это испытательный срок. А там посмотрим. Надо просто дожить до лета. Наступит же оно когда-нибудь в этом городе вечной мерзлоты?!»

Глава 4

Девушка, которая пахнет как кофеварка

Два месяца спустя

Май

За эти пару месяцев у Теоны еще не раз возникало чувство, что город продолжает ее испытывать. Да и квартира по-прежнему казалась ей странной – временами она находила здесь подтверждение чьего-то незримого присутствия; впрочем, Теона решила, что пока это присутствие остается деликатным и не угрожает ее жизни, она может с ним мириться.

Иногда ей казалось, что к ней словно присматриваются, и она вновь, уже более уверенно заверяла, что она своя.

За это время город успел проститься с зимой и готовился расцвести. Долгожданная весна все-таки наступила.

День сегодня был особенно теплым, солнце щедро пригревало, оживленно пели птицы. Утром, по дороге в кофейню, Теона даже подумала, что об эту пору город выглядит вполне пригодным для жизни и, если честно, очень красивым.

В кофейне она увидела, что Белкин уже давно пришел и успел все подготовить к открытию «Экипажа».

С тех пор, как Леша узнал, что в конце мая поедет в Москву на чемпионат бариста, он совсем тронулся. Бедняга мог говорить только о предстоящем чемпионате и бесконечно репетировал. К этому чемпионату Белкин готовился как к полету в космос.

Вот и сейчас он словно проигрывал свой выход на сцену.

– Белкин, ну не выиграешь ты этот чемпионат, и что такого страшного случится? – усмехнулась Теона. – Жизнь на этом закончится?!

Леша в ужасе закатил глаза, показывая, что в этом случае его жизнь вот именно что закончится.

В обед Леша сообщил, что накануне он купил ведро краски и собирается вызвать мастера, чтобы тот покрасил подсобку и предбанник перед входом в кафе.

Теона всплеснула руками:

– Зачем мастера? Я сама все покрашу!

Леша взглянул на нее с удивлением, но пожал плечами:

– Ну ладно. Тоже мне Том Сойер нашелся!

Теона немедленно взялась за дело – нацепила старый рабочий халат Мананы, забрала кудри в хвост, вскочила на стремянку, и понеслось! Вспомнив былое увлечение, она красила вдохновенно, словно бы стирая все стрессы и обиды, и радовалась проступающей чистой, гладкой поверхности.

Белкин, выйдя посмотреть, не сдержался и хихикнул:

– Надо же – я нашел бесплатного гастарбайтера!

Теона угрожающе замахала кистью и ласково пообещала Леше разукрасить ему физиономию. К вечеру она выкрасила все, что просил Леша, и подумала, что надо бы сделать косметический ремонт в ее квартире – покрасить потолки и стены, правда, сперва нужно будет заручиться согласием хозяев.

Теона подошла к Манане и завела разговор про ремонт.

– Можешь делать, что хочешь, – пожал плечами Манана.

– А хозяева не будут возражать?

Едва заметная тень пробежала по лицу Мананы, и та поспешила закончить разговор.

– Они не будут против. Думаю, им все равно.

Теона вздохнула – ясно, почему-то эта тема находится под негласным запретом! – и решила, что в следующем месяце она возьмется за ремонт.

Ее размышления прервали вопли Белкина, доносящиеся из зала.

Выглянув, Теона увидела, что на одном из столиков сидит пестрая кошка.

– Я только дверь приоткрыл на улицу, а эта кошара забежала к нам, как к себе домой! – пояснил Леша.

– Красивая какая! – засияла Теона.

Леша хмыкнул – красивой эту кошку мог назвать только слепой или очень добрый человек. У кошки была довольно своеобразная расцветка – казалось, что ее ради шутки некий развеселый создатель кошек создал из множества разномастных шубок. Леша тут же про себя окрестил ее «ржавой».

– Иди давай, – взмолился Леша, заметив на белой скатерти грязные следы от кошачьих лап.

– А давай ее себе возьмем? – предложила Теона, очень любившая животных.

– В смысле? – не понял Леша. – Лично мне не надо. К тому же я через два дня уезжаю на чемпионат.

– Я бы взяла, но куда мне в съемную квартиру? – сникла Теона.

– Вынесу ее на улицу, – Леша сделал попытку подступиться к ржавой кошке.

Та в ответ недобро зашипела.

– Трехцветные кошки, говорят, приносят удачу, – как бы вслух заметила Теона. – Нам на чемпионате удача как раз пригодится!

Леша насторожился и как будто задумался.

Теона взяла кошку на руки, та прижалась к ней и замурчала.

– Удачу приносят именно такие ржавые? – уточнил Леша.

Теона кивнула.

Леша молчал, было видно, что в нем происходит внутренняя борьба.

– Лешечка, – вдруг своим самым нежным голосом сказала Теона. – Лешенька, пожалуйста, ну давай ее оставим?! Это будет наша с тобой кошка. Твоя и моя.

Белкин вздрогнул, как будто через него пропустили электрический ток. И хотя он собирался решительно и категорично отказать Теоне, но вдруг неожиданно для самого себя сказал:

– Да. Ладно. Если ты хочешь.

Теона расцвела, в ее лице промелькнула какая-то детская радость, и девушка чмокнула Лешу в щеку.

От неожиданности Леша подскочил и потер щеку, словно его укусил овод.

Теона со словами «сейчас я тебя покормлю», ускакала с кошкой на кухню.

А Леша так и стоял на месте, глядя ей вслед. «Это что сейчас было?! Называла Лешенькой, поцеловала? Как это все понимать? А голос у этой пигалицы может быть очень чувственным, даже странно...»

Впрочем, когда Теона вернулась со своей обожаемой кошкой, Леша уже пришел в себя, и на его лицо вернулось обычное ироничное выражение.

– Лешенька, а как мы ее назовем? – не унималась Теона.

Леша взглянул на пеструю, как лоскутное одеяло, кошку и заржал:

– Давай назовем ее гоблином?

– Совсем дурак? – вспыхнула Теона, тоже мгновенно вернувшись в свое обычное, угрюмое состояние. – Сам ты гоблин! Мы назовем ее... – Подумав, она решительно заявила: – Мы назовем ее Лора!

– Попробуй только не принести мне удачу! – Леша выразительно посмотрел на свое сомнительное приобретение. – И заметьте, меньше, чем на первое место, я не согласен!

Кошка невозмутимо зевнула.

Так в «Экипаже» появилась собственная кошка.

В день отъезда на Лешу было жалко смотреть, он буквально не находил себе места. Даже Теоне стало его жаль, и она искренне пожелала ему удачи на чемпионате.

– Смотри там, не подведи нас! – напутствовала Лешу Манана.

Услышав ее слова, Леша закивал, как ужаленный.

Никита пожал напарнику руку:

– Давай, Леха, ни пуха!

Леша вздохнул: да к черту! и уехал в Москву.

* * *

После отъезда Белкина Теона осталась в кофейне за главного бармена. У Никиты была сессия в институте, и девушке приходилось работать за троих.

Однако несмотря на все трудности, она справлялась. Странное дело, но именно теперь, когда она осталась одна и на нее легла вся ответственность за кофейню, Теона поняла, что ей нравится то, чем она сейчас занимается. Она вдруг вспомнила, как назвала Лешину работу «подай-принеси», и ей стало стыдно. «Вот дурацкий у меня характер, – вздохнула Теона, – ляпну что-нибудь, а потом сама жалею...»

Ей было так неловко перед Белкиным, что она даже подумала, что к его приезду можно будет сделать ему какой-то подарок.

В итоге она решила устроить в «Экипаже» выставку ретрофотографий с видами старого Петербурга. Теона хотела посоветоваться с Даниилом Суворовым насчет выбора снимков, но Данила три недели назад уехал на съемки в Карелию. В итоге Теона попросила совета у экскурсовода Марии, когда та забежала в кофейню.

– Отличная идея! Я помогу подобрать фотографии, – сразу согласилась Мария.

– Буду благодарна за помощь! Я этот город совсем не знаю и не очень его люблю, – призналась Теона. – А он, кажется, отвечает мне взаимностью!

– Понимаете, Петербург – своеобразный город. Он не сразу открывается, – улыбнулась Мария. – Хотите, я проведу для вас экскурсию и покажу свой Петербург?

Теона радостно кивнула, и они с Марией условились на следующий день отправиться на прогулку.

В этот майский вечер Теона была в кофейне одна. Небо затянуло тучами, послышались раскаты грома. А вскоре на город обрушился настоящий ливень и началась гроза. Пользуясь тем, что посетителей не было, Теона отлучилась на кухню, чтобы покормить кошку. Вернувшись в зал, она увидела, что у окна, за любимым столиком Белкина, который Леша называл «столиком Ники», сидит девушка.

Теона подошла к незнакомке:

– Что будете заказывать?

Но девушка, казалось, не слышала вопроса – она смотрела в окно.

Теона мягко повторила вопрос. Девушка по-прежнему неотрывно смотрела на противоположный дом на той стороне улицы. Теона кашлянула.

– Что, простите? – встрепелась незнакомка. – Ах, да. Давайте, что там у вас... кофе.

– Какой именно?

– Не важно, любой! – отмахнулась незнакомка, не сводя глаз с улицы.

«Какая странная девушка!» – подумала Теона, вернувшись за стойку.

* * *

Петербург, как и предполагала Лина, оказался идеальной версией пространства для человека в состоянии полного отчаяния; этакой своеобразной шкатулкой, в которую можно было запечатать свое несчастье и скрыться от посторонних глаз.

Ее никто здесь не знал, и Лина могла погрузиться в одиночество, не опасаясь, что ей придется отвечать на чьи-то вопросы о ее прошлом, настоящем, планах на будущее. Не было у нее ни прошлого, о котором бы она хотела говорить, ни полноценного настоящего, а будущего – и подавно.

Лина не знала, насколько затянется ее последнее путешествие и как быстро она сможет осуществить то, что составляло смысл ее жизни в последние годы. Приехав в Петербург, она сняла скромную однокомнатную квартиру в спальном районе на окраине и почти сразу устроилась на работу медсестрой в ближайшую больницу, что с ее медицинским, хотя и незаконченным высшим образованием оказалось не сложно.

В больнице она ни с кем не сближалась и, хотя была исполнительна и трудолюбива, держалась со всеми сухо и отстраненно. Учитывая ее нелюдимость и внешнюю неприметность, коллеги не проявляли к ней интереса. Лишь однажды, после сложной операции, во время которой Лина ассистировала молодому хирургу, тот, удивившись ее компетенции, поинтересовался, откуда у нее такие знания, и спросил, почему она не получила высшее образование.

Лина пояснила, что училась в медицинском институте, но ушла из него незадолго до защиты диплома.

– Почему? – удивился доктор.

Лина пожалала плечами: так сложилась жизнь. Больше в разговоры с коллегами она не вступала. Это был ее выбор – стать невидимкой для всех.

Несколько лет назад она даже постаралась стереть любую внешнюю индивидуальность и сознательно отказалась от собственной привлекательности. В какой-то миг внешность перестала иметь для Лины хоть какое-то значение. Длинные волосы, платья, каблуки, красная помада, улыбка, а главное, наивность в глазах – все это осталось в прошлом, в той, разбитой жизни. Лина равнодушно обрезала волосы, отказалась от косметики и нарядов, вошла в бесформенные свитера и джинсы и навсегда перестала улыбаться. Бледное, усталое лицо, потухшие глаза – обычная девушка из толпы.

Ее жизнь в Петербурге была скучна и монотонна – с работы домой и снова в больницу. Лину не интересовали ни архитектурные красоты города, ни музеи, ни новые знакомства – ничего, кроме единственной цели – найти *того человека*.

Ей нужно было найти его во что бы то ни стало. Она выслеживала его, как охотник подстерегает дичь. И вот однажды, через два месяца после приезда в Петербург, в мае, она вышла на его след.

Она шла по набережной, повторяя его адрес, который заучила наизусть. В воздухе парило, как бывает перед скорой грозой, небо затянули тучи.

Увидев этот старый дом на одной из тихих улиц в самом центре города, Лина почувствовала, как бешено колотится сердце.

Она обошла дом, вглядываясь в окна, пытаясь угадать нужные ей. А потом она заметила на противоположной стороне улицы кофейню. «Экипаж» – прочла на вывеске Лина и зашла внутрь, чтобы переждать подступившее волнение, справиться с ним.

В этот час в уютной кофейне никого не оказалось. Лина села за столик у окна и замерла. Из большого окна прекрасно просматривался дом напротив и предполагаемые окна нужной ей квартиры. От волнения или от духоты Лине вдруг стало трудно дышать. Она не сразу услышала

вопрос официантки, кудрявой брюнетки в красном берете, спросившей, что ей принести. Когда девушка повторила вопрос, Лина отмахнулась: принесите чашку кофе.

Девушка-барменша гладила смешную пеструю кошку, в небе сверкали первые раскаты грома, от чашки кофе шла легкая дымка – но Лина смотрела на улицу, на дом напротив.

И вдруг Лина увидела человека, ради которого она приехала в этот город. Она вздрогнула, чашка кофе выскользнула у нее из рук и разбилась.

* * *

Из Карелии Данила Суворов возвращался усталый, но довольный. За три недели путешествия ему удалось погрузиться в этот удивительный мир уникальной карельской природы с ее дремучими лесами, волшебными озерами и водопадами. Для своей будущей выставки фотограф Суворов без устали снимал музеи-заповедники, красоты национального парка, красно-книжных животных и редких птиц, забыв на время и о людях, и о суете больших городов.

Но сейчас, выйдя из поезда на перрон петербургского вокзала, Данила понял, что скучал по городу и по квартире Ивана.

По пути домой Данила остановился на набережной и опытным взглядом не просто фотографа, а художника оценил игру красок – тяжелое серебро наплывающего на реку неба, вспыхивающие тут и там разноцветные грозовые всполохи. Суворов расчехлил камеру и, только отсняв в разных ракурсах замерший перед грозой город, пошел домой.

Увидев дом Ивана, Данила едва не кивнул ему как давнему знакомому. Поднимаясь по старой лестнице парадной, похожей на темную пещеру, он представил, как войдет сейчас в квартиру и распахнет окна, чтобы впустить внутрь свежий воздух, как делал всегда, возвращаясь домой после долгого отсутствия.

Данила снял куртку, бережно положил сумку с камерой, поставил на кухне чайник и подошел к окну в гостиную. В открытое окно ворвался неведомый откуда налетевший ветер. Казалось, что в самом воздухе сейчас будто застыла туго скрученная гигантская пружина, которая вот-вот рванет и разрушит насторожившийся в предчувствии грозы город.

Данила взглянул в сторону кофейни «Экипаж», намереваясь помахать Леше или Теоне рукой. И вот тогда он увидел ее в первый раз.

За столиком Ники сидела незнакомка. Девушка как девушка – короткие рыжие волосы, серый свитер, разве что лицо очень бледное. Однако в ее лице было нечто, что привлекло внимание Данилы. На лице этой девушки была написана катастрофа, печать трагедии.

Она неотрывно смотрела в окно. Прямо на него. Данила вздрогнул и задернул штору.

* * *

«Странная девушка», как про себя окрестила незнакомку Теона, пришла в кофейню и на следующий день. История повторилась – девушка снова села за тот же столик у окна и долго разглядывала, словно изучая его, дом напротив. Незнакомка просидела до глубокого вечера. Когда настала пора закрывать кофейню, Теоне пришлось подойти к посетительнице и вежливо сказать, что они закрываются. Незнакомка молча поднялась и поспешно вышла.

Когда Теона уже собиралась уйти из кофейни, ее телефон зазвенел. По скайпу ей звонила подруга Софико. Не без напряжения Теона ответила и сразу поняла, что у Софико что-то стряслось. Софико призналась, как ей не хватает Теоны, и пожаловалась на то, что она поссорилась с мужем.

Теона вздохнула: я еще и утешать тебя должна?!

Но у Софико было такое несчастное лицо, что Теона искренне принялась уверять ее, что все (конечно же! ты даже не смей сомневаться!) наладится!

После разговора с Софики Теона почувствовала странную смесь неловкости, уже знакомого ощущения горькой детской обиды оттого, что любимый мужчина предпочел ей красавицу подругу, и вместе с тем какой-то жгучей вины перед этой любимой подругой. Ставшее привычным отчаяние снова наплывало.

Теона долго сидела в пустой кофейне, уткнувшись в теплую шерстку Лоры, потом натянула любимый берет и вышла в город.

Она долго гуляла по ночному городу. Ночь была ветреной, но теплой. Петербург уже давно оделся в листву и расцвел.

Манана еще в апреле говорила ей, что в Петербурге весна может наступить в один день. Дескать, однажды ты проснешься утром и увидишь, что то – робкое, просыпающееся, наконец, пробудилось, город очнулся от долгой зимы и зазеленел. И вот однажды в мае Теона поняла, что в город пришла полноценная весна. Словно бы какой-то волшебник вдруг взмахнул своей волшебной палочкой и окрасил парки и бульвары в нежно-зеленый цвет. И потянулись к солнцу цветы, а на Марсовом поле начался парад сирени, и сотни сиренево-розовых оттенков красоты благоухали и манили горожан приобщиться к этому чуду.

Теона побродила в зарослях сирени на Марсовом поле, прошла мимо спящего Летнего сада, вышла к Неве и застыла, увидев, как разводят мосты.

Нева несла свои воды, шпиль Петропавловского собора плыл над городом.

Теона стояла перед разведенными мостами – маленькая, неприкаянная, растерявшаяся, но в этот миг, может быть, впервые по приезду в Петербург, она чувствовала не враждебность, а уважение к этому суровому городу с его удивительной историей и восхищение его красотой и величием.

Потом она снова прошла мимо Летнего сада, где перешептывались статуи и отдыхали уставшие за день фонтаны, и вышла на спящую Фонтанку.

Она вдруг поняла, что не хочет сегодня возвращаться в съемную квартиру. Ноги сами привели ее в знакомый переулок; увидев родную кофейню, Теона почувствовала неожиданную радость. Она открыла дверь, вошла внутрь. Обрадованная Лора бросилась ей навстречу.

Теона отрезала себе кусок вкуснейшего сырного пирога тети Мананы, заварила свой любимый васильковый чай и забралась на широкий подоконник в зале. Лора тут же расположилась рядом, прижалась к хозяйке и включила свой мурчащий мотор, способный обогреть и утешить не одну девушку.

За окном, как на большом экране, разворачивалась ночная жизнь города. Попивая чай, Теона наблюдала за ней, словно смотрела кино.

Вот мимо проследовала влюбленная пара – парень привлек спутницу к себе и поцеловал. В свете фонарей целующаяся пара смотрелась удивительно по-киношному. А вот рядом прошел любитель ночных прогулок – владелец расположенной поблизости антикварной лавки, с корги Бобби на поводке. А потом (Теона чуть не слетела с подоконника, увидев ее) на улице промелькнула тень той самой странной девушки, которая накануне просидела в кофейне до закрытия. Незнакомка быстро проскользнула мимо окна и растворилась в ночи. В ночном сумраке она показалась Теоне то ли призраком, то ли героиней, сошедшей со страниц таинственной книги. Этот город вообще напоминал огромный – никакой жизни не хватит прочитать! – роман, полный бездонной глубины, смыслов и тайн.

В конце концов, Теона решила остаться ночевать в кофейне и устроилась в подсобке на диванчике, где любил отдыхать Леша Белкин. Найдя на диване две оставленных Лешей книги, Теона взялась почитать их перед сном. Одной из книг оказалась кофейная энциклопедия. Рассказы о том, как кофе распространялся по Европе, как саженцы кофе похищали и тайком вывозили из разных стран, напоминали детективные истории и неожиданно увлекли

Теону. Прижав к себе Лору, Теона долго изучала этот кофейный атлас. А потом она взялась за другую книгу, принадлежащую Леше, – томик Харуки Мураками. Раскрыв книгу, Теона увидела подчеркнутые Лешей слова. «Утренний свет, запах кофе... ничем не испорченный день...». Теона полистала страницы – вместо закладок они были заложены деревянными палочками, которые в «Экипаже» предлагали посетителям для размешивания сахара. Ее внимание привлекла еще одна фраза. «Мир – это просто кофейный столик, созданный из возможностей». Бариста-философ Леша Белкин обвел эту фразу карандашом и даже поставил на полях рядом с нею восклицательный знак.

«Интересно, как там наш Белкин?» – подумала Теона и мысленно послала Леше лучипожелания столь желаемой им победы.

А потом она провалилась в сон.

Проснувшись утром и приведя себя в порядок, Теона вдруг сварила себе первую за много лет чашку кофе. Наверное, Леша Белкин был бы доволен, узнав, что она приготовила себе кофе по его рецепту – да-да, это был тот самый «Черный капитан».

С чашкой кофе она вышла на крыльцо кофейни. И вот так, стоя на крылечке, она пила крепчайший кофе, наблюдая за тем, как медленно просыпается город.

«Утренний свет, запах кофе... ничем не испорченный день», – улыбнулась Теона.

Этот день и этот город таили в себе тысячу новых возможностей и открытий.

Вскоре, передав смену бармену Никите и оставив кофейню на его попечение, Теона отправилась на встречу с Марией, обещавшей показать ей волшебное Семимостье – место, где сбываются желания.

Глава 5

Семимостье. Поосторожнее с желаниями!

Хрупкая светловолосая Мария меньше всего была похожа на сталкера, однако же она уверенно вела Теону через ущелья петербургских дворов, рассказывала истории домов (у каждого дома, как у человека, была своя судьба), заводила девушку в пещеры старых парадных, наполненных сокровищами: драгоценными сохранившимися витражами, великолепной лепниной; рассказывала о людях, которые здесь когда-то жили. В рассказах Марии века сменяли друг друга, причудливо переплетались легенды, судьбы, тайны.

В негромком голосе Марии, в ее спокойной манере повествования без надрыва и экзальтации было что-то завораживающее. Теона чувствовала, что у Марии есть какая-то своя тайна, и ей хотелось узнать о своей спутнице как можно больше, но девушка понимала, что время для этого еще не настало.

Широкие площади, вычерченные, будто циркулем, волей царя Петра проспекты, реки, каналы... Но вот позади остались шумный Невский проспект и Сенная площадь с ее толчеей и суетой, и Теоне показалось, что она словно переместилась на машине времени в прошлое. Здесь, в тихой Коломне, куда ее привела Мария, время, кажется, застыло навсегда.

Старая колокольня, золото куполов Никольского Морского собора, отразившееся в водах канала – вечность и тишина. Теона замерла. В этом удивительном месте хотелось остаться надолго – постоять на мосту, подумать...

Когда Мария упомянула о том, что совсем недалеко отсюда живет бармен Леша Белкин, Теона удивилась, поскольку напарник ассоциировался у нее с каким-нибудь шумным, модным местом, а не с этим, где в воздухе была разлита благодать и покой.

Они остановились на Пикаловом мосту, и Мария сказала, что это и есть то легендарное место силы, волшебное Семимостье, на котором, если у тебя получится увидеть отсюда семь расположенных рядом мостов, можно загадать желание. Насчитав семь мостов, Теона застыла. Она не знала, что загадать и о чем попросить. На самом деле, желаний-то у нее, конечно, было много. Как и всем, ей хотелось, чтобы ее любили, хотелось найти своих людей и очень хотелось понять про себя что-то главное (она знала, что по большому счету все ее метания и неприкаянность происходят оттого, что она до сих пор себя не раскрыла); но сформулировать единственное важное желание было так нелегко!

Мария деликатно отвернулась, не торопя Теону. В свои сорок пять лет она знала, как порой сложно бывает определить самое заветное и главное и как важно в этом не ошибиться. Потому что желания – штука опасная, они ведь всегда исполняются, но в таком (как сказал великий писатель, который, кстати, любил гулять в этих местах) искаженном виде, что мы их не узнаем; и загадывая, надо бы понимать, что мы будем с ними делать потом, когда они неожиданно исполнятся.

В голове Теоны быстро, как облака на небе в этот день,плыли мысли, и вдруг среди этих наплывающих друг на друга желаний возникло и явственно прозвучало одно, как ни странно, оказавшееся самым сильным. «Пусть Софику с Михаилом помирятся, – выдохнула Теона. – И пусть у них все будет хорошо!» Подумав так, она словно выпустила свое желание на волю, почувствовала, как на душе стало легко, и улыбнулась.

Разные люди, разные желания... Леша Белкин страстно мечтал одержать победу на чемпионате бариста, чтобы прославить свою любимую кофейню и подарить эту победу Нике. Фотограф Данила мечтал сделать однажды уникальный снимок – поймать и запечатлеть настоящее чудо – и поделиться им с людьми. А где-то на другом конце города в это время девушка Лина страстно хотела отомстить человеку, сломавшему ее жизнь.

Разные желания, как пух одуванчиков, кружили в воздухе, летели над старым каналом, над Невой и над городом. И может быть, каким-то из них суждено было исполниться.

* * *

Странная девушка уже несколько дней приходила в «Экипаж» как по расписанию – утром, к самому открытию, и вечером (и тогда уж просиживала до закрытия кофейни). Вот и сегодня сценарий повторился – незнакомка пришла, заказала кофе и уставилась в окно, словно она наблюдала там что-то важное, видимое только ей.

Заприметив ее, Теона с Мананой выразительно переглянулись.

– Не нравится мне это, – поджала губы Манана, – кто знает, что у нее на уме!

– Мы ведь не можем выпроводить ее восвояси, только потому что она странная?! – пожала плечами Теона.

Разгуливающая по залу кошка Лора подошла к незнакомке и потерлась о ее ноги. Однако девушка не обратила на кошку внимания.

Теона не выдержала и обратилась к необычной посетительнице:

– Может, вам принести что-то сладкое? У нас потрясающие десерты, правда!

Девушка повернулась к Теоне. В ее глазах было такое недоумение и даже некое раздражение, что Теона отпрянула. Было очевидно, что эту девушку десерты не интересуют, и что ее в принципе не слишком интересует реальность. Больше Теона не обращалась к ней ни с какими вопросами.

Когда незнакомка ушла, Теона села на ее место и попыталась понять, что же включает в себя эта точка обзора.

Именно за этим занятием ее и застал влетевший в кофейню Леша Белкин. Вид у Белкина был самый что ни на есть торжественный – Леша был в костюме, с букетом сирени и с бутылкой шампанского.

– Лешка вернулся! – радостно закричала Манана. – Ну что?

Леша театрально потряс в воздухе бутылкой:

– На сегодня «Экипаж» закрывается! Будем праздновать мою победу!

– Ты выиграл чемпионат? – всплеснула руками Манана.

– А у кого-то были сомнения на этот счет?! – хихикнул Леша.

* * *

Прямо с вокзала Леша Белкин рванул в кофейню. Радость от победы на чемпионате бариста, о которой он мечтал весь последний год, переполняла его, и ему хотелось разделить ее с самыми близкими людьми. А еще ему очень хотелось оказаться дома – в родной кофейне, за своим любимым столиком у окна.

Влетев в кофейню с шампанским и с купленным у бабули на углу букетом сирени, Леша увидел Теону, сидящую за столиком Ники. В этот день у Лешки было такое прекрасное настроение, что он даже скорпионихе Теоне дружелюбно кивнул – здравствуй, здравствуй! – а потом заметил, что на стенах кофейни висят черно-белые фотографии с видами старого Петербурга.

– Это что? – выставился Леша.

– Тея решила сделать тебе подарок! – пояснила Манана.

Теона, накануне потратившая на оформление кофейни полдня, скромно молчала.

Леша разглядывал тщательно отобранные Теоной фотографии, среди которых не было ни одной случайной. Старинный Петербург, старый Ленинград оживали, проступали на этих снимках. Увидев на одной из фотографий то место в Коломне, где прошло его детство, Леша улыбнулся.

Он молча – глазами – спросил Теону: а зачем ты это?

– Ну а что? – Теона пожала плечами. – Кофейня-то у нас петербургская?! Вот ты все время говоришь о том, как любишь свой Петербург, а, между прочим, в зале до этого времени висели только портреты иностранных музыкантов!

Вместо ответа Леша протянул Теоне букет сирени:

– Это тебе! И знаешь, мне очень нравится твоя идея!

Теона взяла разлапистую сирень и смутилась.

Манана с Никитой благостно улыбались, глядя на эту лирическую картину.

Но Леша вдруг разрушил все махом, ляпнув Теоне:

– Я даже не думал, что ты можешь придумать что-нибудь стоящее!

Теона усмехнулась – вот спасибо!

Леша поставил шампанское на стол, Никита принес блюда с горячими пирогами и десертами.

– Ну что тут у вас нового? – поинтересовался Леша, примеряясь к бутылке, чтобы ее открыть.

Теона рассказала, что за время его отсутствия у них в кофейне завелась странная девушка.

– Вот жили мы спокойно, без всяких проблем, – усмехнулся Леша, – а стоило тебе появиться – у нас и кошка завелась, и странная девушка! А может, эта ваша странная девушка просто охотится за фотографом Суворовым? Какая-нибудь очередная блогерша, которая хочет заполучить модного фотографа?

– Вот меньше всего она похожа на блогершу! – фыркнула Теона. – Она скорее похожа на...

– Привидение! – выпалила Манана.

В этот миг раздался звук, похожий на маленький, но мощный взрыв. Манана с Теоной вскрикнули от испуга, а кошка Лора, доселе сидевшая на окне, с воплем ринулась прочь из зала. Оказалось, что пробка от бутылки шампанского выскочила из Лешиных рук и, описав круг по сложной траектории, угодила прямо в светильник, отчего тот вдребезги раскололся. При этом Леша обдал струей шампанского сидевшую рядом Теону с ног до головы.

Теона взвизгнула. Увидев ее страдальческое лицо и испорченное платье, Леша виновато заерзал. Манана с Никитой опять переглянулись – нет, лирические или хотя бы просто нейтральные отношения у этой пары – что ты будешь с ними делать! – не выстраиваются!

Через пять минут Теона вернулась из подсобки в рабочем халате Мананы и проворчала:

– Ну давайте, что ли, уже выпьем?

Леша разлил оставшееся шампанское по бокалам и только приготовился произнести тост, как звякнул дверной колокольчик, и в зал вошли двое мужчин в черных костюмах.

– Простите, но мы закрыты! – Леша постучал по своим наручным часам.

Однако незнакомцы уверенно прошли внутрь и попросили позвать управляющего кофейней.

– Я замещаю владелицу кофейни, – сказал Леша. – А в чем, собственно, дело?

– Мы бы хотели купить это кафе и открыть здесь свое заведение! – пояснил один из мужчин.

– Да вы что? Продать эту кофейню? – Леша даже не сразу понял, о чем идет речь.

– Продать, – кивнул незнакомец, – за хорошие деньги, в надежные руки! Поверьте, мы сделаем вам отличное предложение! Вы получите достойную сумму просто за то, чтобы закрыть этот ваш «Экипаж». А здесь откроется сетевое заведение общепита. Между прочим, наши торговые точки расположены по всему городу!

– Сетевое заведение?! – оскорбился Леша. – Небось, торгуете какими-нибудь гамбургерами и суррогатным кофе?! Так вот запомните – «Экипаж» никто никогда не продаст! А сейчас давайте вы просто уйдете отсюда и найдете другое место для своего сетевого заведения!

Леша так разнервничался, что едва не подскакивал на месте.

– Молодой человек, не горячитесь так, – усмехнулся тот из мужчин, что был старше. – Я настоятельно советую вам подумать! А то, знаете ли, может ведь всякое случиться. Жизнь такая штука!

– Вы нам угрожаете, что ли? – вскинулась Теона.

– Пока только предупреждаем! – сказал второй незнакомец – здоровый громила – и как бы невзначай подтолкнул Лешу.

И вот тогда доселе молчавший Никита Арсеньев, увлекающийся, помимо математики и кофе, боксом, выступил вперед, заслонил собой Лешу и в расслабленной, исключительно интеллигентной манере попросил непрошенных гостей валить куда подальше. Переглянувшись и пообещав еще вернуться, незнакомцы вышли из кофейни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.